

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра общего языкознания

Выпускная квалификационная работа

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА
«ЛЕС» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Работу выполнила:
студентка 251 группы
направления подготовки
44.03.05 Педагогическое
образование, профиль
«Русский язык и литература»
Дементьева Дарья
Владимировна

(подпись)

«Допущена к защите в ГЭК»

Завкафедрой

(подпись)

« ____ » _____ 20__ г.

Руководитель:
доктор филологических наук,
профессор кафедры общего
языкознания
Подюков Иван Алексеевич

(подпись)

ПЕРМЬ
2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ КОНЦЕПТА. ОБЩИЕ ТЕОРИТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ.....	8
1.1. Концептный подход к изучению лексических единиц.....	8
1.2. Концептная семантика лексической единицы.....	14
1.3. Культурная семантика лексемы «лес» в русском языке.....	17
1.4. Особенности вербализации концепта «лес»	22
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ.....	24
ГЛАВА 2. ДИАЛЕКТНЫЕ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОНЦЕПТА «ЛЕС».....	26
2.1. Представления концепта «лес» в образной диалектной лексике и фразеологии.....	26
2.2. Фольклорные представления концепта «лес».....	31
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ.....	44
ГЛАВА 3. СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА «ЛЕС» В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ.....	46
3.1. Анализ способов выражения концепта лес в русской поэтической речи.....	46
3.2. Реализация словарных значений слова «лес» в русских поэтических текстах.....	51
3.3. Изучение поэтической семантики в школьной практике.....	59
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ.....	60
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	62
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	64

ВВЕДЕНИЕ

Культуру характеризуют как особого рода коммуникацию, основанную на духовном наследии прошлого. Духовной культурой принято называть совокупность духовных ценностей - моральных, религиозных, нравственных, этических убеждений человека, представляющих для него значимость. Способами передачи культурной информации и средством коммуникации являются культурно-коммуникативные коды, особые знаковые системы, содержащие языковые знаки и материальные символы. Наиболее значимыми, как правило, получившими и языковое выражение в метафорике, фразеологии, паремиологии, ономастике, специфичными для каждого этноса признаются жесты, цветосимволы, природно-космическая, растительная и животная символика, пища, традиционные культы и верования, обряды.

Знаки культуры являются наследием предшествующих поколений и часто имеют условный характер. Знание символов, которые выступают как особая коммуникационная модель, есть обязательный элемент культурно-языковой компетенции. Любой культурный текст может быть понят как письмо из прошлого, зашифрованное языком символов; произведения, созданные предками, наделены смыслом, нередко уже утраченным для нас и недоступным для носителей другой культуры.

Одна из актуальных задач современных гуманитарных наук - исследование взаимосвязи природы и культуры. С давних времён образы природы являлись хранителем фольклорно-мифологического духа народа. Природа остаётся неизменной в своих основных чертах и в наши дни. Лес как часть природы всегда был чем-то неизведанным и загадочным: он то тёмный, то таинственный, то дремучий. С давних пор до наших дней от леса, его богатств и состояния зависит жизнь человека. Лес всегда был естественной основой жизнедеятельности людей, и долгое время лес и человек мыслились как единое целое. Именно поэтому о бытии человека можно говорить только в соотношении с лесом. Наша работа посвящена

изучению лексемы *лес* в русской фольклорной и литературной традиции как имени культурного концепта.

Актуальность исследования обусловлена:

- 1) Отнесенностью лексемы «лес» к ключевым словам национальной культуры и высокой частотностью употребления изучаемой лексемы в различных текстах, подвижностью ее условно-символической семантики;
- 2) малочисленностью работ, анализирующих концепт «лес» как часть идиостилевой культуры и исследующих механизмы его функционирования в фольклорных текстах Прикамья;
- 3) особой значимостью междисциплинарных исследований, выполненных на стыке лингвистики, культурологии и литературоведения. В процессе подробного исследования создаётся единое поле для изучения семантики лексемы «лес». Такая многоаспектность и комплексность анализа различных участков национального языка способствует наиболее полному раскрытию потенциала изучаемого концепта и всех элементов его образности.

Объектом исследования в нашей работе является вербальный символ «лес» как категория художественно-речевой коммуникации, **предметом** мы определили механизмы актуализации культурных коннотаций лексемы *лес*. Таким образом, **единицей анализа** в нашей работе служит ситуативное употребление лексемы *лес* как этнокультурного концепта в русском языке, т.е. использование ее в составе устойчивых формул - традиционных, часто повторяющихся оборотов фольклорной и поэтической речи.

Теоретической базой нашего исследования являются работы по этнолингвистике Т. А. Агапкиной [Агапкина, 1988] и А. Л. Топоркова [Топорков, 1988], В. П. Ершова [Ершов, 2009], Д. К. Зеленина [Зеленин, 1933], И. А. Подюкова [Подюков, 2009], по теории художественной речи В. В. Кожина [Кожин, 1970], М. Н. Эпштейна [Эпштейн, 1990], по лексической семантике Ю. Д. Апресяна [Апресян, 1995], В. И. Карасика [Карасик, 2002], Д. С. Лихачева [Лихачев, 1993]. Наша работа продолжает

исследования, которые уже проводились на кафедре общего языкознания ПГГПУ и были посвящены изучению лексики леса.

Материалом нашего **исследования** стали полевые фольклорные материалы Центра этнолингвистики ПГГПУ, поэтические тексты XIX-XX вв. На их основе была составлена картотека, состоящая из 87 формул с лексемой «лес».

Гипотеза исследования. Исходя из того, что языковой концепт связан и с коллективным этническим, и с индивидуальным языковым сознанием, мы предполагаем, что использование лексемы «лес» имеет различия в языке фольклора и в различных художественных идиостилях и направлениях, что слово-концепт ЛЕС обладает своим набором символических значений в поэтической и фольклорной речи.

Цель исследования – выявление и описание устойчивых формул с использованием лексемы «лес» в текстах прикамского фольклора и русской поэзии, описание их значения для семантики текстов, в которых они использованы.

Поставленная цель определила следующие **задачи**:

- 1) изучить теоретическую базу работ по концептной семантике в сфере этнолингвистики;
- 2) отобрать материалы для исследования различных участков национального языка (фольклор, поэзия и т.д.);
- 3) выделить из этих текстов языковой материал, который содержит лексему *лес*;
- 4) определить частотность употребления данной лексемы в разных идиостилях и описать ситуативность;
- 5) выявить культурно-символические смыслы слова *лес*, являющегося гиперонимическим обозначением пространства, заросшего множеством деревьев, и раскрыть способы актуализации этих смыслов в обрядовых текстах, текстах русской поэзии;

б) провести статистическую обработку данных исследуемых аспектов использования лексемы *лес* как имени культурного концепта.

Достижение цели и выполнение поставленных задач стали возможны путём применения комплекса следующих общих и частных **лингвистических методов, и приёмов:**

- 1) описательный;
- 2) сравнительно-сопоставительный – при соотнесении значений формул с лексемой *лес* в художественной и фольклорной речи;
- 3) лингвокультурологический – при описании культурных смыслов лексемы *лес*;
- 4) метод контекстного анализа – при анализе роли концептного слова «лес» в структуре целого текста;

Используются также метод количественного подсчёта – для исчисления изученных лексических единиц, метод сплошной выборки (на этапе отбора материала).

Достоверность результатов исследования подкрепляется обращением к трудам заслуженных учёных, разнообразием методов исследования, и объёмом проанализированного материала. Исследование выполняется на материале фольклорного архива Центра этнолингвистики Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (в кол-ве 380 текстов), поэтических текстах Золотого века (в кол-ве 98 текстов), Серебряного века (в кол-ве 124 текстов), современной поэзии (21 текст).

Научная новизна работы состоит в специфике исследуемого материала, представляющего локальную пермскую фольклорную традицию, а также в выявлении набора устойчивых фольклорных и поэтических формул, в попытке анализа их семантики и текстовой роли.

Практическая значимость: наша работа может быть использована лингвофольклористами при более глубоком изучении поэтической фразеологии русских фольклорных текстов, а также при изучении специфики фольклорной символической семантики. Материалы исследования могут

быть использованы в практической работе по исследованию межкультурных коммуникаций в различных сферах. Наблюдения за ролью лексемы «лес» как слова-концепта, как ключевого понятия русской культуры могут быть использованы при преподавании литературы и русского языка.

Апробация работы. Предварительные результаты исследования были изложены в виде докладов и сообщений на научных конференциях филологического факультета ПГГПУ «Молодая филология» (Пермь, 2013–2016 гг.): «Символика леса в песенной традиции Прикамья»; «Способы символизации лексемы «лес» в обрядовой поэзии Прикамья»; «Лексема «лес» в современной поэтической речи»; обсуждались в рамках спецкурсов и семинаров. Статьи «Символика леса в песенной традиции Прикамья», «Способы символизации лексемы «лес» в обрядовой поэзии Прикамья» и «Лексема «лес» в современной поэтической речи» опубликованы в сборниках «Филология в зоне актуальности: вызовы времени» (Пермь, 2014 г.), «Молодая филология-2015» (Пермь, 2015 г.).

Структура работы. Работа состоит из Введения, трёх глав основной части (Понятие концепта. Общие теоретические положения; Способы выражения концепта «лес» в русской художественной речи; Диалектные и фольклорные представления концепта «лес»), Заключения и Библиографического списка.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ КОНЦЕПТА. ОБЩИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Первая глава освещает теоретические вопросы, связанные с интерпретацией явления концепта в современной науке, с его соотношением с языковым сознанием и культурой, а также ролью в формировании художественных смыслов. В ней также мы обращаемся к историческому развитию культурной семантики лексемы *лес*, исследуем проявление культурной концептной семантики в развитии значений слова *лес*. Здесь же осмысляются различные научные подходы к классификации данного концепта.

1.1. Концептный подход к изучению лексических единиц

Каждая национальная культура имеет свою систему устойчивых символов, характеризующих её эстетическое своеобразие. Существует большое количество исследований образов леса как в литературе, так и в лингвистике – В. А. Законов «Лес как благо и символ», М. Н. Эпштейн «Природа, мир, тайник вселенной», кандидатская диссертация О. В. Бутериной «Фреймовый анализ репрезентации концепта «лес» в русской художественной литературе». Связанные с лесом пейзажные мотивы благоприятны для исследования, так как в них сохраняется единство национального поэтического сознания, даже разбившегося на множество индивидуальных стилей. Пейзажные мотивы, помимо их собственной эстетической значимости для национальной поэзии, имеют ещё и более общий интерес - как свидетельства её образного единства, как хранители её фольклорно-мифологического духа. Образы природы, которая остаётся равной себе на протяжении столетий, позволяют проследить движение самой художественной образности, изменение культурных форм.

Концепт сохраняется в народном сознании и выражается в представлении культурной специфики определённого этноса. Фольклорные

тексты, в отличие от художественных, где представлена индивидуально-авторская модель культуры, являются собой стабильный источник, отражающий общенародный общедоступный язык. Ментальность же является совокупностью устойчивых символов культуры, понятий, мифов данного народа. Хранилищем национальной культуры можно назвать фольклор. Фольклорные тексты – это стабильный источник общенародного языка, собрание устойчивых символов культуры, понятий, мифов данного народа.

В нашем исследовании рассматривается символика леса в авторской поэзии и в фольклоре (на материале народной лирики как более сохранившегося к нашему времени вида народной поэзии).

Современные исследователи нередко сближают понятие концепт и символ, указывая, что **концепт** является ядром **символа** (о символах-концептах говорит, в частности, Ю. Е. Прохоров. [Прохоров, 2011]) Понятие «символ» довольно широко представлено в современных терминологических словарях по лингвистике, но его трактовка отличается, как правило, многозначностью и противоречивостью. Это можно объяснить прежде всего объективной сложностью его содержания. В терминологической лексикографии не обнаруживается единства в понимании символа. Символ — художественный образ, условно передающий какую-либо мысль, идею, переживание [Ефремова, 2000]. В русской лексикографической традиции принято особо выделять значение, связанное с художественно-выразительной функцией символа. Словесные символы в поэтическом тексте выступают как культурные единицы, с помощью которых реализуется значимая для автора художественная идея, т.е. наделены текстообразующей функцией. При этом поэтический символ используется для воссоздания художественно-символической реальности как индивидуальная целостность. Символ в фольклоре характеризуется сохранением традиционного, закрепленного в культурной традиции народа смысла.

Слово «лес» рассматривается нами как имя культурного концепта. Под культурным концептом понимается ментально-вербальное образование,

включающее в себя понятийную и образную составляющую. По современным представлениям, имя концепта есть языковая единица (слово, словосочетание), выражающее концепт в наиболее полном объеме и общей форме. Имя концепта является основным вербальным средством реализации концепта, представляющим доминанту (или ядро) концепта (наряду с языковыми единицами, связанными с ним синонимическими, видовыми и словообразовательными связями – имеются в виду однокоренные с именем концепта образования). Этот традиционный концепт в русской лингвокультуре имеет ценностную составляющую. В реализации концепта участвуют, как известно, также историческая (этимологическая) семантика слова, метафорические обозначения связанного с концептом понятия.

В нашем исследовании основное внимание обращено на текстовые реализации концепта «лес» в фольклорных и художественных текстах. Исследовано использование концепта в таких активных и в наше время жанрах народной культуры, как лирическая песня и частушка. Согласно исследованиям ученых, главным образом, А. Веселовского и А. Потебни, лирика лишь постепенно, в длинном процессе эволюции, обособилась от обряда. Лирическая песня — народная песня, выражающая чувства и настроение поющего. Частушка — это поэтическая крупинка народной мудрости, жемчужинка художественного таланта народа; это миниатюрная художественная картинка, запечатлевшая частичку нашего быта, движение человеческой души, проявление какого-то чувства или же запечатлевшая деталь, штришок в портрете лирического героя. [Ефремова, 2000]

Основным средством реализации концепта в фольклорном и поэтическом текстах является формула. Поэтическая формула является элементом фольклорного текста и одновременно основным механизмом перехода от «текста» к его «значению». Г. И. Мальцев указывает на различие между формулами фольклора и формулами (топикой) литературы. Существенной отличительной чертой формулы литературы Г. И. Мальцев считает разведённость выражения и содержания, он пишет, что авторство

начало себя осознавать сначала на уровне формы, когда содержание оставалось каноничным. Формуле фольклора присуще тождество формы-смысла. «Традиция, — пишет исследователь, — предельно заполняет фольклорное слово как со стороны выражения, так и со стороны содержания, не оставляя места ни для «автора», ни для «формы», что и приводит к указанной слитности» [Мальцев, 1981]. Г. И. Мальцев определяет формулы как «разнотипные константы лирической традиции», тем самым он указывает на необязательную привязанность данного термина к определенному структурному типу фольклорного элемента. Действительно, изучая работы по фольклору, посвященные формульности, видим, что формульными могут быть словосочетания и предложения (структурные типы формул, наиболее часто рассматриваемые фольклористами), отдельные слова (глаголы нередко сами по себе составляют завершённую формулу).

Как видим, формула — явление динамичное. В масштабах развития искусства слова формула литературы — лишь аспект единого феномена формульности, делимый на множество подаспектов. Общим для всех видов формул является традиционная обусловленность, которая может пониматься как отталкивание от традиции. Примечательно, что в фольклоре и литературе словесные формулы преимущественно черпаются из определенного фонда смысловых ассоциаций и традиционных сближений слов и онтологически связаны с родовым сознанием, отражая жизнь и мировоззрение народа в их развитии.

Г. И. Мальцев видит в формулах «механизм сохранения данной культуры», он пишет, что в формуле скрыт пласт народных представлений, «непосредственно невыговариваемых». В формулах заложена многовековая народная эстетическая традиция, образы предметов и явлений внешнего мира, вошедшие в сущность народного характера. В этом смысле формулы — представления народа, отлившиеся в определенную форму [Мальцев, 1981].

Своеобразный взгляд на происхождение формул встречаем у А. А. Потебни. Возникновение формул, по мнению ученого, связано с бессознательным стремлением народа сохранить внутреннюю форму. Формулы у А. А. Потебни — это сочетания, необходимо условленные предшествующей жизнью внутренней формы слов в народной поэзии.

Как мы видим, при подходе к термину «формула» в фольклористике мы сталкиваемся с многообразием описательных характеристик, зачастую противоречащих друг другу, но, тем не менее, существенных для определения формулы как элемента фольклорной традиции.

Ясным представляется тот факт, что формула — многоаспектное явление фольклора. Многоаспектность формулы выражается в ее полифункциональности и разнотипности. Формула признается едва ли не основным условием существования народного творчества, так как является средством передачи устного «текста». Сказитель не мог бы удерживать в своей памяти многие тысячи стихов, если бы в «текстах» не повторялись веками выработанные формулы, которыми он пользовался в своем исполнении-воспроизведении. Еще одной функцией формулы, связанной с ее мнемотехническим характером, является создание эффекта замедленности действия былины, протяжности песни.

Формулы разнотипны по своему генезису. Прежде всего имеется в виду разделение формул на формулы-модели и на заученные готовые формулы, сохраняющие свою образность или утрачивающие ее. Здесь мы вплотную подходим к различию формул по степени формульности. Формулы являются элементами отражения принципов исторического развития форм художественного сознания. Здесь разнотипность формул является следствием различий способов художественного отражения действительности на разных этапах развития образного слова.

В нашем исследовании мы исходим из положения о том, что формулы в фольклоре — это стереотипные, регулярно повторяющиеся разнотипные элементы народной традиции, в которых стихийно закрепляются и

отливаются в определенную форму жизнь и мировоззрение народа. Они характеризуются наличием ряда дихотомических признаков: устойчивость/вариативность, изменяемость/ неизменяемость, моделируемость/немоделируемость. По своей структуре это грамматически оформленное сочетание слов, которое намеренно используется в большом количестве текстов для обозначения определенных явлений действительности. Этот словесный комплекс, повторяющееся сочетание слов имеет определенные отличия в текстах авторских и фольклорных. Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что фольклорные формулы, в отличии от художественных являются массовым типизированным явлением.

Значение формулы и соответственно смысл символа во многом зависит от текста. Существует набор средств текстового выражения символического смысла. Самым излюбленным приемом народной лирики является параллелизм душевного состояния с каким-либо внешним проявлением природы. Параллелизм этот выражается как в формах сравнения, так и в формах символики, при этом первоначальный смысл символов в настоящее время поющими нередко уже не сознается, а символические образы повторяются лишь по традиции. Характерны также для поэтики народной лирики обращения, возвания к природе: лесу, животным, растениям, реке, ветру. Народная лирическая песня пользуется также традиционными эпитетами. Одним из способов актуализации символического значения леса в частушках является метафора. В ней происходит внутреннее сопоставление субъекта и объекта. Метафора выражает сходство между семантической оболочкой и подлинным семантическим содержанием. Однако в начале всякой метафорической деятельности предполагается наличие “стандартного” употребления в частушке символического значения, из которого затем выводятся разнообразные метафорические сопоставления.

Поэтическая формула отличается от фольклорной. Это эстетическая единица и одновременно способ авторского художественного мышления. Обычно выделяют следующие признаки поэтической формулы:

афористичность, смысловое обобщение, индивидуальность употребления, фразеосвязанность структуры, мобильность. В основе поэтических формул лежат концепты, или словообразы, являющиеся категорией художественного мышления. В художественном тексте поэтические формулы выполняют эстетическую функцию и, входя в его эмоциональное и содержательное пространство, становятся смыслообразующими центрами, смысловыми сгустками, символическими обобщениями ментального характера, концентрирующими национально-культурную, индивидуально-авторскую и концептуальную информацию. А. В. Паластеров в работе, посвящённой анализу поэтических формул, указывает, что формула представляет собой высказывание из текста, обладающее определённой структурно-смысловой организацией. [Паластеров, 2013] Категориальные признаки поэтической формулы: афористичность, смысловое обобщение, индивидуальность употребления, фразеосвязанность структуры, мобильность. В основе поэтических формул лежат концепты, или словообразы, являющиеся категорией художественного мышления и репрезентантами авторской концептуальной системы. В художественном тексте поэтические формулы выполняют эстетическую функцию и, входя в его эмоциональное и содержательное пространство, становятся смыслообразующими центрами смысловыми сгустками, символическими обобщениями ментального характера, концентрирующими национально-культурную, индивидуально-авторскую и концептуальную информацию.

1.2. Концептная семантика лексической единицы

Проблема сущности концепта и способов его актуализации широко обсуждается в современной лингвистике. Как известно, термин концепт не отвечает основному требованию к научной терминологии – быть однозначным. Если обобщить все то, что когда-либо было сказано о концепте, то можно утверждать, что в лучшем случае термин концепт

выступает как полисемант, лексико-семантические варианты которого реализуются в разных научных контекстах. Даже в разновременных работах одного и того же ученого концептом могут именоваться различные феномены. Например, в исследованиях Е. С. Кубряковой концепт выступает и как разносубстратные единицы сознания: представления, образы, понятия, и как квант структурированного знания. Еще одна терминологическая сложность обусловлена тем, что за разными терминологическими оболочками могут скрываться тождественные факты [Колесов, 1999]. Например, термин концепт может быть синонимом терминам наивное понятие, культурная универсалия и – отчасти – лингво-культурема [Воробьев, 1994]. Итак, лингвистика использует различные метаязыки для описания концепта, и, следовательно, термин концепт входит в разные терминологические системы. Многообразие лингвистических теорий, обращающихся к концепту, зависит от определения феноменологического статуса концепта, или ответа на вопрос: что есть концепт; от выяснения его онтологического статуса, или его соотношения с такими понятиями, как сознание, мышление и язык, речь; от выявления его функциональных свойств и способов актуализации.

Одна из причин терминологического разнообразия и основных расхождений в определении феноменологического статуса концепта в лингвистике обусловлена своеобразными – двойственными – связями термина концепт с иноязычными научными традициями.

Как известно, термин концепт пришел в русскоязычную лингвистическую науку из английского языка и сохраняет свою многозначность и системные связи с материнской терминосистемой. Сошлемся, в частности, на мнение Ю. А. Левицкого: «В английском языке слово *concept* может означать как “понятие”, так и “общее представление”. По определению в словаре Вебстера *concept* – это “мысленно представляемый образ” (*mentally conceived image*)». В том случае, если есть необходимость терминологического различения лексико-семантических

вариантов слова, используются атрибутивные сочетания *logical concept* и *psihic(al) concept*. Термин концепт как наследник англоязычной научной традиции обычно переводится как понятие. Но в таком случае необходимо учитывать, что в русском языке слово понятие столь же многозначно, о чем свидетельствует возможность различных атрибутов: наивное, обиходно-бытовое, научное. На наш взгляд, целесообразно употреблять термин понятие применительно к системе научных знаний и научной картине мира и, следовательно, не смешивать понятия и концепты. [Гладких, 2014]

В нашей работе мы придерживаемся мнения В. И. Карасика о том, что концепт следует понимать, как ментальный конструкт, в содержании которого выделяют три основных компонента понятийный, образный и оценочный.

Наше исследование рассматривает формулы с лексической единицей «лес» в авторской поэзии и народной лирике Прикамья. Как уже отмечалось, лес можно считать одним из ключевых слов русской культуры, этноцентрическим концептом, отражающим национально-культурные, мировоззренческие и психологические особенности русского этноса.

Данный концепт имеет древнейшую мифологическую основу, лес, в славянской мифологии и фольклоре – это локус, наделённый признаками удалённости, непроходимости, необъятности, сближаемый с «тем светом»; понимаемый как место обитания хозяина леса и других мифологических существ, а также как пространство небытия (наряду с морем и горами). Лес противопоставлен дому/двору/саду в рамках оппозиции «чужой — свой».

Лес как природная среда противопоставляется освоенному человеком пространству. В духовных стихах «непроезжие» леса ассоциируются с язычеством, а их преодоление героем и их культурное упорядочивание — с установлением христианства. Оппозиция культура — природа в связи с лесом проявляется, например, в приговоре, произносимом женщинами со время обходов полей на Вознесение.

С представлением об иномирности и удалённости лес связан широко распространённый обычай оставлять в лесу ритуальные предметы, таким образом избавляясь от них.

1.3. Культурная семантика лексемы *лес* в русском языке

Культурная семантика слова *лес* интересовала многих ученых. Ряд исследований В. Н. Топорова посвящен непосредственно растительному коду, важная роль растений в мифопоэтических представлениях разных народов объясняется наличием «особого растительного («вегетативного») кода», позволяющего задействовать растения во многих классификационных системах. Материалом исследования В. Н. Топорова становятся прежде всего мифы, в которых присутствуют сюжеты, связанные с растительными образами, и обрядовый фольклор. В. Н. Топоров выделяет распространенные мифологические мотивы, в которых отобразилась связь растения и человека, растения и мифологического существа и т.п. Среди подобных мотивов упоминаются мотивы превращений в растения или, напротив, «воплощения» растений в антропоморфные образы, возникновения растений из крови, слез, божества, мифологического персонажа, мотив «висения» на дереве. В. Н. Топоров также уделяет внимание основным символическим значениям, которые присущи растительным образам: процветание, возрождение, плодородие, жизненная сила или, напротив, смерть, увядание, упадок. В его трудах рассматриваются не только общие значения растительных образов, но и отдельные растительные образы, присутствующие во многих культурах и обладающие различной или сходной символикой: береза, боярышник, виноград, гранат, дуб, смоковница, яблоня и др. В. Н. Топоров предлагает основы для описания и классификации основных функций растений в мифопоэтических представлениях [Топоров, 1995].

Для описания культурной семантики лексемы «лес» обратимся к традициям различных этносов. Лес в славянской мифологии и фольклоре —

локус, наделенный признаками удаленности, непроходимости, необъятности, сближаемый с тем светом и понимаемый как место обитания хозяина леса и других мифологических существ, а также как пространство небытия (наряду с морем и горами). Образ леса как того света особенно характерен для славянского фольклора. [Славянские древности, 1991]

Мотив леса как преграды отразился в вологодском предании: родители заспали ребенка и должны были во искупление своего греха три ночи подряд совершать обходы вокруг церкви; чтобы помешать им, дьявол поставил вокруг церкви лес, через который они еле-еле прошли. В эпических жанрах лес характеризуется как темный и дремучий. Обычно выступает в качестве непреодолимой преграды: в русском Духовном стихе о Федоре Тироне огненный змей уносит мать героя за море за синее, за горы а высокие, за леса за темные. В ряде текстов лес напрямую связывается с тем светом и смертью. В обмираниях иной мир часто предстает как лес, по которому ходит спящий; в некоторых духовных стихах удаление в лес или пустыню — способ ухода человека от этого грешного мира. В славянской обрядности лес был местом захоронения заложенных покойников, прежде всего детей; в славянских рассказах об убивании старцев (стариков отвозили в лес и оставляли там).

Мотив отправления в лес неугодных детей известен в славянских сказках. Лесная природная среда противопоставляется культурному пространству. В духовных стихах непроезжие леса ассоциируются с язычеством, а их преодоление героем и их культурное упорядочивание — с установлением христианства (н/р Стих о Егории Храбром.). Оппозиция культура — природа в связи с лесом проявляется, например, в приговоре, произносимом женщинами со времён обходов полей на Вознесение: Рожь к овину, а метла [сорняки] к лесу. (противопоставление овина и ржи, с одной стороны, и леса, и сорняков — с другой) (Ярославская губерния). В свадебных причитаниях лес последовательно противопоставляется саду как чужое пространство (принадлежащее жениху) — пространству невесты; в

лесу навсегда улетает от девушки воля-красота — символ ее свободной жизни; из-за леса поднимается туча, которая находит на дом невесты (жених и его сопровождающие); лес отождествляется со стороной жениха: *Супротив меня, молоды, стоят леса-то темные, леса-то дремучие... Супротив меня, молоды, сидят гости приезжие*. В поверьях о том, откуда берутся дети, лес (и находящиеся в нем природные объекты) выступает в качестве основного локуса-источника (ср. пермский диалектный фразеологизм *с ёлки сняли* из объяснения детям, откуда берутся дети) [Славянские древности, 1981].

В лесу совершались эзотерические обряды и происходили чудесные события. Согласно славянским быличкам, в самой глубине леса, максимально удаленной от человеческого жилья, добывают чудесный цветок папоротника: Если хочешь заниматься чародейством, надо идти в лесна Ивана Купайло далеко за село, чтоб не було слышно пивней, когда они поют, и, если папоротник расцветёт и ухватишь...потом любую вещь себе можно подумать и сделать. Но все — худое. На русском севере в Иванов день до восхода солнца женщины в лесу делали заветное помело, которое приносило в дом благосостояние Жители Поморья считали, что человек, который отважится пойти пасхальной ночью в лес и, оборотившись спиной, приблизится к какой-нибудь березе и сломает ветку, получит в итоге волшебную палочку. На Черниговщине рассказывали, что во время пасхального бодрствования можно увидеть золотую утку: золотая сама, и яйца у нее золотые, и сидит она в лесу, кто полюбится ей и увидит ее, так счастлив будет всю жизнь. В ночь накануне Иванова дня, Пасхи или дня св. Иеремии из леса выходит змеиный царь, который собирает вокруг себя всех гадов; в лесу раскрываются клады и т. п. С лесом связаны многочисленные магические практики из области народной медицины. Лес является местом обитания демонов — лесных хозяев, а также ряда других мифологических персонажей; местом, где пребывают подмененные дети, иногда черти, упыри, мара, злой дух и пр.; ср. также запреты ходить в лес в те дни и периоды, когда активизируются демонические существа, обитающие в лесу. Лес был также местом общения

человека с нечистой силой. Чтобы выведать у лешего причину болезни человека, олонецкий знахарь отправлялся в лес, находил там рябину, расщеплял ее ствол пополам, а затем оставлял в этом расщепленном стволе письмо для лешего с интересующими знахаря вопросами. Особые отношения с лесом складываются у лиц, деятельность которых связана с лесом и зависит от него (прежде всего у пастуха и охотника): они вынуждены соблюдать целую систему правил поведения в лесу (запреты собирать ягоды и грибы; отгонять мух, разрушать муравейники и т. д.; количество дичи, разрешенное к добыче), оговоренных в их договорах с лесным хозяином (охотничьи и пастушеские отпуска). Для обычного человека такие правила также существовали; в их числе — почти обязательное обращение к лесу с просьбой о покровительстве при отправлении в путь,

В юго-восточной Болгарии пробуждению леса посвящен особый обряд. В округе Тырновов масленичное воскресенье, а также в течение нескольких дней на неделе, предшествующей масленице, девушки собираются на гору [на лесистых возвышенностях] и с восходом солнца начинают петь песни, исполнение которых допускается лишь раз в году (их припев – оро ле, горо зелена [Лес, лес зеленый]). По убеждению местных жителей, это пение призывало лес к тому, чтобы начать развиваться и зеленеть. В других местах девушки выходили на гору будить лес пением и огнем.

Второй этап жизненного цикла леса связан с окончанием вегетативного цикла и отменой запретов на рубку деревьев. У восточных и южных славян он приходится на троицко-петровские праздники. Существует поверье о том, что на Троицу лес — именинник. С этого времени отменялся запрет на рубку деревьев и начинались массовый сбор трав и цветов, косьба, заготовка веников (особенно первого веника или метлы).

С окончанием вегетативного периода связаны запреты ходить в лес из опасения встреч со змеями, покидающими землю на зиму. В троицко-купальские праздники также часто боялись ходить в лес, чтобы не встретиться со змеями, забирающимися в праздник на деревья: Не идут на

Купалу в лес: кажутъ, шо всѣ такѣ вопаскуднѣ вылазитъ навѣрха на деревья. В лесу совершались некоторые календарные обряды, преимущественно весенне-летние. На Вознесение в России после обхода полей группы людей собирались вблизи леса или в лесу, разводили огонь, жарили сало и яичницу. В России в лесу происходили троицкие увеселения девушек с традиционной яичницей и хороводами. В восточной Словакии в духовные праздники пастухи делали деревянную или соломенную куклу и обходили с нею село, собирая деньги и продукты, после чего отправлялись в лес, где обычно пасли скот, устраивали там угощение и веселились три дня и две ночи. На русском севере в ночь на 1/14 мая в лесу или на поле разжигали костры и встречали лето. На Псковщине в Иванов день молодежь наряжала в зелень и цветы девушку-купалу, которая вела всю девичью толпу в лес, где во время хоровода Купала с завязанными глазами раздавала девушкам на удачу заранее приготовленные венки из зелени и цветов. В лесу срубали, обряжали, украшали и из него приносили в села обрядовые деревца во время календарных праздников – бадняк, деревце обрядовое (троицкое, майское, гаик), сосну в словенском обряде свадьба с сосной и др. Связь с лесом и растительностью вообще отразилась в названиях обрядового деревца (пол. *gaj*, *gajik*, *gajik-majik*. словац. *zelenýháj*). Иногда в лесу делали и даже устанавливали ритуальные символы: в Тульской губ. под Николин день в лесу в землю втыкали крест-накрест две черемуховые ветки, украшенные и названные «кукушкой» [Славянские древности, 1981].

На основании вышесказанного можно сделать вывод: лес в мифологических представлениях – локус, наделенный признаками удаленности, непроходимости, необъятности, отождествляется с иным миром и выступает местом обитания разных мифических существ и злых сил. В рамках оппозиции свой/чужой лес противопоставлен освоенному дому/подворью.

В фольклорных текстах образ леса передается как особое пространство, связанное с первичным хаосом. Возможно, поэтому после совершения

ритуала в лес относили и закапывали/оставляли вещные компоненты и атрибуты обрядовых действий (*эмэгэты* – идолы, колья, *сиэл* – конские волосы, *салама* и др.), тем самым возвращая их в первичное пространство.

1.4. Особенности вербализации концепта «лес»

Концепт «лес» привлекает внимание лингвистов. О. В. Бутерина в работе «Фреймовая структура концепта ЛЕС» по данным русских толковых словарей, в ходе анализа фразеологизмов, пословиц и поговорок, афоризмов описала его фреймовую структуру, выделив следующие слои концепта «лес»: «лес как часть пространства с растениями, представляющее хозяйственную ценность», «лес как обитаемое пространство с птицами и животными». Ею же описаны концептуальные метафоры «лес как живое существо», «лес как неизвестность». О.П. Касимова в исследовании «Семантика слова «лес» и её варьирование» по материалам национального корпуса русского языка и текстам из художественной литературы выявила для слова *лес* два основных представления – представление о множестве вертикальных объектов, расположенных на расстоянии друг от друга, и представление об аморфной массе, занимающей определенную площадь на плоскости. Ею также отмечено метафорически переносное значение «много», представление с помощью леса чего-то темного, отдаленного, непонятного и потенциально опасного. О. П. Касимова показала, что для русского языка типичны олицетворения леса, отраженные в разнообразных персонификациях леса типа: *лес улыбается, спит, смотрит, стережет, унывает; лес растет, умирает* и подобные.

В ходе исследования нами было выяснено, что объективация концепта «лес» в диалектных, поэтических и фольклорных текстах происходит в разных формах:

1) путём наименования реального объекта – леса (концепт объективируется лексемой «лес»);

2) путём наименования лесных реалий (концепт объективируется лексемой «лесной» и др.);

3) с помощью других слов и словосочетаний, обозначающих лес синонимически и с помощью видовых названий (*дерево, ель*).

4) Первоначально – «пространство, поросшее лиственными деревьями» (чешск. *lesy* «листья»). Михаил Фасмер отмечает, что, *лес* наши далекие предки связывали со словом «лезет» — «растет».

В ходе работы методом количественного анализа, нами было выявлено 87 устойчивых формул с лексемой «лес». На основании полученных данных нами был произведён подсчёт высокочастотных и низкочастотных формул. Полученные результаты и процентное соотношение можно увидеть ниже, в таблице №1. На основании проведённого анализа мы делаем выводы об основных типах синтаксических и словообразовательных конструкций, с помощью которых данный концепт объективируется в текстах русской культуры. Полученные данные представлены в таблице ниже.

Способы вербализации концепта «лес» в текстах русской культуры

Таблица №1

№	Средства вербализации концепта лес (87)	%
1	атрибутив + «лес» (24)	20,88
2	глагол + «лес» (19)	16,53
3	предлог + «лес» (18)	15,66
4	наименования кроме лес (родовые наименования) (8)	6,96
5	«лесной» + существительное (6)	5,22
6	лес (субъект) + существительное (именная часть) (5)	4,35
7	лес (как субъект действия) + глагол (3)	2,61
8	сложное существительное с корнем «лес» (2)	1,74
9	сложное прилагательное с корнем «лес» + существительное (1)	0,87

Анализ набора синтаксической позиции с лексемой «лес», объективирующих концепт, проводился с точки зрения того, что способность одних языковых единиц открывать позиции для замещения другим единицам выступает в виде категоризирующей или классифицирующей функции по отношению к другим словам. Таким образом, глаголы, существительные, прилагательные, предлоги, входящие в контекстуальное окружение лексем, представляющих исследуемый концепт, рассматриваются нами как классификаторы концепта, из которых складывается общая картина организации знаний о лесе, представленных в разных видах текста русской культуры. Анализ средств вербализации концепта «лес» в текстах русской лингвокультуры показал, что набор этих средств различен. Высокоупотребительными являются такие конструкции, как «*атрибутив + «лес»* и «*глагол + «лес»*». (*тёмный лес, зелёный лес, зайти в лес, выйти из леса* и тд.). Рассматриваемые нами тексты отражают определённые типы сознания, которые влияют на представление одного и того же объекта в действительности (леса) в языке. Этим объясняются различия в соотношении средств вербализации в разных видах текста.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

Лес – часть той культурно-исторической среды, под воздействием которой формируются культура и обычаи целых народов. Известная идея, что в образе дерева наглядно выражается параллель дерева с жизнью человека, имеет лингвистическое выражение. Народная культура носит всемирный характер: задействованные в народных поговорках и метафорах странствующие межкультурные символы (как и питающие их мифы) независимо возникают «во всех углах земного шара». Согласно полученным данным, распределение компонентов содержания концепта «лес», представленного в текстах русской лингвокультуры осуществляется в следующем порядке: понятийный компонент, образный компонент,

оценочный компонент. Из наблюдений выше, становится ясно, что изучение концепта «лес» становится всё более актуальным, имеет обширное номинативное поле. Ключевая лексема концепта «лес» обладает развёрнутой синонимией. Лексика используемого нами материала для исследования характеризует возраст леса, его состав, качество, ситуации обращения человека к лесу и взаимодействие с ним, мы видим восприятие леса человеком и его эстетическую оценку. Языковые средства, объективирующие концепт «лес» способны представлять его в разных типах сознания: в обыденном, мифологическом и научном.

ГЛАВА 2

ДИАЛЕКТНЫЕ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОНЦЕПТА «ЛЕС»

Вторая глава исследования посвящена анализу фольклорных и диалектных представлений концепта «лес» на материале лирики Прикамья. Осмысляется реализация словарных значений лексемы «лес» в фольклорных и диалектных текстах. Анализ семантики языковых единиц с учетом различных трактовок позволит отграничить закрепленные в словарях значения и даст нам возможность расширять семантические пласты за счет вариативности интерпретаций. В главе представлены способы репрезентации концепта «лес» в фольклоре Прикамья, уточняются спорные моменты в вопросах интерпретации прецедентных феноменов. Кроме того, во второй главе даётся расширенный анализ устойчивых формул и обосновывается включение каждой из них в категории по частотности употребления.

2.1. Представление концепта «лес» в образной диалектной лексике и фразеологии

Народная направленность к постижению сущности бытия через предметный мир обуславливает обширную символику художественной культуры фольклора, которая актуализируется в пространстве диалектного текста. Средством актуализации символа как знакового воплощения какой-либо идеи представляется ассоциация, позволяющая осуществить развертывание символа как внутри одного художественного текста, так и обеспечить интертекстуальные связи.

Трансформационный потенциал архитипичности заключается в том, что символ, являя собой «коллективное бессознательное», наследие древних

людей, попадает в память автора из глубины культуры, а из его памяти (в случае *актуализации*) – в текст.

По общему мнению, всех тех, кто сталкивался (а все мы сталкиваемся в быту), как бы профессионально занимался символами, они всегда отмечены печатью архаичности. И это, вероятно, справедливо. По выражению Ю.М. Лотмана, каждая культура нуждается в пласте текстов, выполняющих функцию архаики. Сгущение символов здесь обычно особенно заметно. И такое восприятие символа не случайно. Стержневая группа их действительно имеет глубокую архаичную природу и восходит к до письменной эпохе, когда определенные и, как правило, элементарные в начертательном отношении знаки представляли собой свернутые мнемонические программы текстов и сюжетов, хранившихся в устной памяти коллектива. Способность сохранять в свернутом виде исключительные тексты сохранилась за символами. Вероятно, можно без особого преувеличения утверждать, что символы сыграли и продолжают играть исключительную роль в становлении функционирования того, что обычно называется, с известной долей метафоричности, памятью культуры. То есть в сохранении некоего набора смыслов, благодаря которому культура осознает свою идентичность, благодаря которому существует связь между прошлым, настоящим и будущим.

Память культуры, как и другие виды памяти, функционирует тогда, когда культура вырабатывает наиболее экономичные способы конденсации, то есть сжатия *актуальных* для нее смыслов. Конечно, в принципе, возможно и запоминание развернутых текстов, но до определенных пределов, ограниченных возможностями людей, ее пользователей, точнее даже, не возможностями индивидуальной памяти, они никогда не исчерпываются до конца, а возможностью понимать друг друга, иметь общий опыт.

Чем же является лес для людей? Конечно, в известной мере он таит в себе опасность для человека, рискнувшего нарушить сложившиеся формы

лесной жизни. И все же плодотворным считается рассмотрение леса в свете философской категории «благо». Благом лес является потому, что удовлетворяет и развивает в мере единства личного и общественного многие потребности человека и общества. Лес, как недра земли, реки и моря, дает людям средства к существованию, выступает в качестве универсального сырья, предметом и средством труда, вещественной основой для существования традиционных и новейших отраслей.

Лес продуцирует новые вещественные характеристики бытия природы, а, следовательно, и бытия человека.

Лес - часть той культурно-исторической среды, под воздействием которой формируются культура и обычаи целых народов. Известная идея, что в образе дерева наглядно выражается параллель дерева с жизнью человека, имеет лингвистическое выражение. Этническая специфика символов ощущается прежде всего в некотором своеобразии их семантического развертывания, в нюансировке устойчивых мотивов их применения. В целом же этническое своеобразие символов установить сложно. Именно разнообразие символических элементов предопределяет не только самобытность культуры, но и ее многоликость.

Концепт хранится в национальной памяти носителей языка и реализуется в представлениях, знаниях и ассоциациях, выражающих национально-культурную специфику данного этноса. Любое творчество – это уникальный продукт речевого мышления. Фольклорные тексты, в отличие от художественных и публицистических, где представлена индивидуально-авторская модель культуры, являются собой стабильный источник, отражающий общенародный обиходный язык. Ментальность же является совокупностью устойчивых символов культуры, понятий, мифов данного народа.

Лингвокультурный концепт *лес* актуализируется в различных видах текстов. Анализ актуализации концепта в фольклорных текстах позволяет установить универсальные и национально-культурные особенности

исследуемого концепта. Наша задача - на примерах современных поэтических текстов вывести основные способы актуализации *леса* (и прочих номинаций), как символа.

Понятия лес и дерево в разных культурах, в том числе и славянских, входят в круг вопросов об основах бытия. Аналогия «человек – дерево» проявляется в диалектном выражении об одиночестве *одна как (на поле) сосна*. В русском сознании одиночное дерево – устойчивый символ сиротства и одновременно способ выражения идеи малозначительности отдельной личности (как дерево всегда предполагает лес, нерасчленимое единство деревьев, так и человек значим лишь как представитель своего рода).

Символика леса связана на всех уровнях с символикой женского и материнского начала. «Мифологически лес имеет материнское значение, равно как и дерево» [Юнг, 1989]. Эта идея наделения леса женскими качествами связана с типичным осмыслением природы как женского рождающего начала и также находит свое языковое выражение. Значительный ряд диалектных фразеологизмов в русских говорах обозначает связь рождения человека и дерева (уральское «с *дерева снятой*» о найденныше, незаконнорожденном, восточнославянские «с *верхушки дерева*», «с *груши упал*», «его на *вербе словили*»).

Трансформационный потенциал образности проявляется на уровне структуры символа. В структуре символа выделяются два полюса – предметный образ и символические значения, напряжения между которыми и создаёт «бесконечную смысловую перспективу». В свете трансформационного потенциала одним из ключевых свойств символа становится **многозначность** его структуры.

Лес как благо в философской литературе еще не рассматривался. Благо является общесоциологической категорией, что еще недостаточно осознано в науке. Благо – родовое понятие для категорий, обозначающих ценности добра, красоты, истины, здоровья и др. Поэтому аксиологический подход к лесу не может быть осуществлен без теории блага. Лес, как показывает

практика, многоаспектное благо. Известно, что человек получает информацию о мире не только при помощи обычных знаков, но и посредством знаков-символов.

Благодаря многозначному содержанию символ выполняет аккумулятивную функцию. Содержание символа «разрастается» и в определённых условиях должно потребовать для себя форму выражения, которая являла бы сущность в более конкретном виде, чем «неуловимые» ассоциации. Подводя итог всему вышесказанному можно понять, что символ – это фундамент, на котором покоится культура, и поэтому символы пронизывают культуру с начала ее возникновения в рамках синкретической культуры до современности, особенно ярко это отображается в диалектной речи.

Рассмотрим ситуацию, когда лес выступает в роли вершителя отношений:

Дорогому нету выходу - кругом зелёный лес.

Ему с новой ухажерочкой скорее надоест.

В данной ситуации, *зелёный лес* выступает местом для свиданий, но не простых свиданий, а свиданий чужого любимого с **новой ухажёрочкой**. Ухажёрочка – девушка, за которой кто-то ухаживает. Зелёный цвет леса здесь – символ проказ, веселья, иррациональности. Бывшая девушка ревнует своего дорогого и надеется на то, что она будет так же скучна и неинтересна ему, как однообразный молодой *зелёный лес*.

Таким образом, в исследовании диалектной дендронимической метафоры важно исходить из того, что метафорической по своей природе является концептуальная система, реализованная в языке. Метафора, в свою очередь, есть не только красочная фигура речи, она выступает как средство познания мира, как способ объяснения действительности.

Диалектная картина мира в основе своей является метафорической. Поскольку для диалектного социума характерно образное восприятие

окружающего пространства, то метафорические языковые модели как раз широко используются в процессе номинации.

Дендронимическая лексика, как и природная в целом, не только дает представление о языковой картине мира, но в диалектном метафорическом контексте прежде всего свидетельствуют об эмоциональном отношении народа к деревьям, которые выполняют роль нравственных, мировоззренческих характеристик и ориентиров.

2.2. Фольклорные представления концепта «лес»

В разных жанрах фольклора мы имеем дело со своими стилистическими особенностями, и наиболее яркие отличия заметны при сопоставлении прозаического и поэтического фольклора, фольклора обрядового и лирического. Обрядовые и необрядовые виды фольклора отличаются не только функциональной направленностью, но и характером использования языковых средств. Например, в песне-причете:

*Я ведь сижу, млада, что думаю,
Мне ле ведь сегодняшняя темна ноченька
Мало спалось, много во сне виделось:
Будто я, млада-молодешенька,
**В лес пошла по губки-ягодки,
В лес по калину, в лес по малину,
В лес по черную по смородину**
Со кумами со подружками,
С любовными милыми сестрами.
Я от кумушек приотсталася,
От подруженек приотсталася.
Я в лесу, млада, заблудилася,
Стала кликаться, стала гаркаться.
Не подают мне кумы-подруженьки,*

Не подают мне голосочку ласкового

Ни с которой ни сторонушки.

Используются *повторы* ухода героини в лес. **«В лес пошла по губки-ягодки, в лес по калину, в лес по малину, в лес по черную по смородину».** Чем чаще упоминается лес, тем дальше от сестёр (кум-подружек) становится героиня. Сон – дорога в бессознательное. Лес в сновидениях – это место испытаний. В психологии и гаданиях – лес – душа, внутренний мир человека. Темный лес, из которого человек лихорадочно ищет путь, символ душевной борьбы во мраке собственного я. В этом смысле лес, это сам человек, заплутавший в себе. Лес – это проекция души; выход из леса – знак обретения своей целостности.

Символ **леса** весьма противоречив и сложен. Например, в таком жанре, как *приметы*, человек обращается к лесу немного по-другому, нежели в причитаниях. Значимость народных примет в том, что за приметой всегда стоит совет, помощь, предупреждение. В приметах отражается народное восприятие мира. Многие приметы возникли на основе лингвистической магии, когда само звучание, форма слова задают смысл приметы (в соответствии с отмеченным ещё А.А. Потебней замечанием, что слово в традиционной культуре способно породить обряд). Так возникли приметы типа: гулять в лесу – к опасностям, оказаться в густом лесу — к неудаче, лес снится – к переменам, к лучшему.

В свадебной поэзии приёмы *повторов* можно встретить не менее часто:

Мне от матушки ехать —

Мне к свекровушке приехать.

Мне от братчиков ехать —

Мне к деверьям приехать.

Мне от сестрицы ехать —

Мне к золовке приехать.

Мне от дому родного —

В чужих дальних стороны.

*Как из-за леса, леса,
Из мелка перелеса
Не сокол вылетает,
Не крылом задевает —
Молодец выезжает,
Рукавом соболиным,
Рукавом соболиным
Карету оттирает,
Во карету садится,
Уговаривает девицу:
«Ты не плачь-ка, девица,
Не рыдай, красавица!»*

Однако в свадебной поэзии лес актуализируется уже в середине повествования (сильная позиция) и выступает местом, откуда появляется удалой сокол утешитель. Он уговаривает девицу не печалиться относительно предстоящего замужества, а принять его (жениха) и не печалиться. Сокол - птица, олицетворяющая светлое начало в человеческом существовании. Он пользовался в русских песнях и сказках большим почетом. Его называли не иначе как «млад — ясен сокол», величая этим же именем и красавцев-добрых молодцев. Соколиные очи — зоркие очи: «От соколиного глаза никуда не укроешься!» — говорится в народе. Сказочные герои обращаются в соколов, чтобы мгновенно одолеть немислимые расстояния, внезапно ударить на врага, незаметно появиться перед красной девицей. Ну а всякая русская девушка непременно называет своего возлюбленного гордо и ласково: «Сокол мой ясный!..»

Отношение русского народа к природе отразилось в чрезвычайно богатом словаре, характеризующемся множественностью наименований реалий, фразеологизацией посредством образного переосмысления природной лексики. О ценностном отношении к природе как источнику добра или зла и шире - жизни или смерти говорит факт существования в

каждом языке избирательности в способах номинации, в способах детерминации природных явлений и выборе совершенно определенных мотивировочных признаков. Таким образом, действительность как бы «давит» на язык, стремясь запечатлеть в нем свои черты. Самая яркая формула «тёмный лес» наиболее часто **актуализируется** в обрядовой поэзии Прикамья благодаря эпитетам – *тёмный и зелёный*. Например, в свадебном причёте:

«Я ходила с вами гуляла

По лесам, лесам да темным же.

Применяла вас, русы волосы,

Я вас ко лесу, лесу темному,

Ко березничку ко зеленому:

Вы бассая, мои русы волосы,

Вы березничков зелененьких.

Я ходила с вами гуляла

Я по лавочкам по прилавочкам...»

Происходит противопоставление «**тёмного леса**» – иного мира, места, путающего человека; нечто непонятного, - в нашем случае, таковым для девушки является замужество, и «**зелёного березничка**» – молодого берёзового леса, который олицетворяет молодость девушки, её девичество и противостоит темноте леса. *Зелёный цвет* – символ чистоты, жизни, веры, молодости. Берёза в ряде традиций символизирует свет, сияние, чистоту, неясность, женственность и т. п. В восточнославянской мифологии Береза священное дерево. Береза почиталась как женский символ во время весеннего праздника Семика («семицкая Береза»), когда в селение вносили распустившееся дерево и девушки надевали на голову венки из зелени, в чём виден след мифологического уподобления девушки мировому дереву. Береза, как перевёрнутое корнями вверх древо мировое, фигурирует в русских заговорах: «На море на Океяне, на острове Кургане стоит белая берёза, вниз ветвями, вверх кореньями». Как след культа Березы можно рассматривать и

восточнославянское имя Берёза. Использование Березы для изготовления обрядовых символов (как у толка «берёзовщиков» — старообрядцев в Пермской области) имело архаические истоки. Пребывание в тёмном лесу тяжело для героини, она использует эту формулу, чтобы показать трагичность предстоящего замужества. Зелёный цвет березничка – приятен для визуального восприятия, помогает ей успокоиться.

Сюжетные действия развиваются весьма интересно. Сначала девушка гуляла по лугам, затем по полям, а затем по лесу. Такое развитие объясняется переходом девушки из девичества – зелёного *луга*, в мир большой и непонятный (сватовство), в данном случае символом является *поле*, а затем героиня оказывается в тёмном *лесу* – месте, где она быть не привыкла (замужество).

Таким образом, образ леса в обрядовых текстах Прикамья является источником информации о народной культуре. Обрядовый текст транслирует информацию, часто тождественную, разными кодировками. Частичная расшифровка только одной кодовой системы обрядового текста позволяет выявить круг предметов, традиционно используемых в ходе свадебного обряда, а также схематично реконструировать само, закреплённое в народном сознании, проведение ритуала.

Растительная лексика, как один из элементов природной лексики в целом, позволяет отразить многогранность человеческих представлений о реалиях окружающего мира и уровне культурного развития внутреннего мира человека. Разнообразны сами обращения человека к лесу в зависимости от ситуации (**лес, лесочек, тёмный лес, синий лес, далёкий лес, бурый лес, высокий лес, борок, бор, роща, березничек** и т.д.). В фольклорных текстах различны и ситуации с лесом, выразившиеся в наборе специальных устойчивых мотивов - *уход в лес (в рощу), выход из леса, разговор с лесом, шум леса и др.*

Пойду выйду да я младенька в зеленую рощу

Я сповырублю из рощи тоненьку дощечку

Я сподоблю из дощечки звончатые гусли

Вы взыграйте, гусли-мусли, любимую песню.

Зелёный цвет ассоциируется с юностью лирической героини, также, как и роща – молодой лиственный лес [Ефремова, 2005], вызывает образ исключительно прекрасной девушки. Производя вырубку дощечки, героиня испытывает глубокий душевный катарсис, изготавливая гусли и исполняя любимую песню на них.

Огромную роль в народном мировоззрении имеют представления о лесе, как о месте обитания различных духов. Богатство лесных ресурсов Прикамья, их необходимость использования в повседневной жизни обусловили широкое распространение поверий о хозяине леса - Лешем. К данному персонажу проявляется особое почтительное отношение, сохраняются обычаи традиционного народного этикета при посещении леса: *«В лес заходишь, перекрестись и хлебушко на пенек положи, тогда ничего тебе дедушка лесной не сделает, никуда не уведет».*

Различны особенности использования символа *леса* в лирике и обрядовом тексте. В частушке:

Шел я лесом и горой, нес тальянку под полый.

Проступился в ямочку, сломал свою тальяночку.

Идти лесом и горой – известная фольклорная формула страдания (физическое напряжение переносится на душевное). Молодой человек шёл нелёгкой дорогой, оберегая свою тальяночку (гармонь). Однако, ему не удалось сохранить её, он проступился и не смог сохранить свою тальяночку. Важно отметить как меняется отношение героя к инструменту: сначала он несёт *тальянку*, а когда ломает гармонь – *тальяночку*. Уменьшительно-ласкательный суффикс *-очк-* показывает истинное отношение владельца к своему инструменту. Гармонь для мужчины – музыкальный символ Родины и народной культуры. Е.В.Гиппиус считает, что аккомпанемент частушки у одарённых гармонистов разрастается ярко и многообразно, давая музыканту излить свою душу в сложную музыкальную композицию. Для мужчины

гармонь – второй язык, поэтому сломать её так же тяжело, как потерять любимую девушку.

Символический параллелизм является одним из основных способов выражения символики: в его границах параллель, содержащая символическое значение платка, сопоставляется с реальной параллелью, приводящей символическому изображению соответствие из жизни:

Я по Вишере-реке много леса спавила.

Я своего кавалера в армию отправила.

Слово *лес* в данном случае называет не растущие деревья, а предназначенную для сплава заготовленную древесину. Частушка отражает местную реалию (лесосплав по Прикамским северным рекам). Одновременно частушечный зачин соотносится с общим смыслом частушки – девушка выражает свою печаль по поводу отсутствия рядом любимого. Отправленный неизвестно куда лес символически соотносится с уехавшим далеко милым.

Мы можем говорить об употреблении в частушке не только символического параллелизма, но также и других разновидностей данного тропа. Это может быть образный параллелизм. Указанный вид параллелизма, также, как и символический, предполагает сопоставление образной и реалистической частей, но между ними уже нет строго определенных ассоциативных связей. Сопоставление происходит скорее по аналогии, и, соответственно, привлекаемые им образы в строгом смысле символами уже не являются. Этот тип параллелизма удобно называть свободно-поэтическим, потому что он способен втягивать в сопоставление практически любые образы из реальной действительности:

Не ходите, девки, в лес, комары кусаются.

Не любите вы женатых – бабы заругаются.

Ситуация укуса комаров в лесу (реальная действительность) сопоставляется с руганью жен. Фоном может прочитываться также аналогия любви и гуляния по лесу, который, как известно, в народной культуре связан с идеей иррациональности.

Одним из основных способов выражения символики леса является сочетание его с эпитетом. Входящий в сочетание с лесом эпитет не только акцентирует внимание на внешнем виде леса, но и получает иное эстетическое значение, становясь выразителем эмоционального состояния, переживаний. Для леса является важной семантика цвета. Эпитеты носят неоднородный характер. Среди них выделяются эпитеты, изначально нейтральные по своей семантике.

Чаще всего в частушках со словом лес употребляется эпитет «темный»:

*Ягодиночка моя за **тёмными** лесами,
Где же я увижу вас? Подумайте вы сами.*

Сочетание *темный лес* соотносится с отмеченным выше фразеологизмом *темный лес* о непонятном. Однако в языке фольклора реализуются другие, собственно символические смыслы образа –темный лес скорее обозначает невозможность видеть любимого, страдание по разлуке с ним.

*Если б были крылышки, я бы улетела
Высоки горы, **тёмный** лес я бы не задела.*

Частушка говорит о истинном чувстве героини, для которого не страшны никакие преграды. В этом случае в тексте параллельно использован еще один образ препятствия – *высокая гора*.

*Ой, куда я залетела, канарейка, в **темный** лес
Не сама я залетела, залетел мой интерес.*

Синонимичной данной конструкции является конструкция с эпитетом «черный»:

*Дорогому нету ходу, кругом **черный темный** лес.
Тебе нова ягодиночка скорее надоест.*

Символическое значение, которое имеет сочетание цветового эпитета с лесом, оказывается обусловлено как семантикой цвета, так и семантикой леса. Любимый не просто не может прийти, потому что он за лесом.

Определение черной подчеркивает «околдованность» его новой возлюбленной, которая, как представляется, скоро пройдет.

Лес всегда неизведанное. Он дремучий, темный, таинственный, несколько условный, не вполне правдоподобный. Черный и темный цвета выражают негативные переживания. В данных конструкциях лес чаще всего выступает символом преграды или препятствия. Лес в частушках обычно - это преграда, испытание, магический коридор к цели:

Через тучу-тученьку подай милашка рученьку.

*Через **темный** лесок подай, милашка, голосок.*

Формула «**тёмный лес**» имеет несколько значений. Основное – иномир, место, путающее человека; нечто непонятное. В конечном итоге формулы «уход в лес» и «тёмный лес» контаминируют (соединяются). Фразеологизм «**тёмный лес**» – что-либо трудное, непонятное, незнакомое(разг.) С сущ. со знач. отвлеч. предмета: новые явления, термины, символы, формулы... для кого? для рабочего, для пенсионера, для сестры, для школьника... темный лес; быть, являться... чем? темным лесом. [Ефремова, 2005, с.193]

«Темный лес, темный лес, ничего не видно.

Меня милый изменил, до чего ж обидно.»

В данном случае сочетание *тёмный лес* можно соотнести с фразеологизмом *тёмный лес* о непонятном. Девушка пытается понять причину измены своего возлюбленного, здесь символический смысл образа *тёмный лес* обозначает разлуку с любимым, страдание по былым чувствам. Лирическая героиня находится в душевном смятении.

В формуле «**в тёмном лесу живёт**» лес является местом обитания демонов-лесных хозяев, а также ряда других мифологических персонажей, местом, где прибывают подмененные дети, иногда черти, упыри, мара, злой дух и пр. Изначально, медведь - один из основных персонажей народной зоологии, наделяемый антропоморфными чертами, символикой плодородия, здоровья и силы и нередко главенствующей ролью среди лесных зверей.

Чистотой и божественностью обусловлено сближение медведя со священником. В шутку его называют «лесным архимандритом». Однако, в песне «*Да по речке по реке...*» свёкр и свекоруха называют свою невестку *медведицей-людоедицей*, тем самым показывая своё негативное отношение к ней. *Тёмный лес*, где живёт медведица для них, локус, наделённый нечистой силой:

А медведица-то, батюшка,

В тёмном лесу живет

(припев)

А вы, деверья-соколы,

Да у вас жены таковы,

(припев)

А вы, золовушки, белы лебёдушки,

Да когда замуж выйдете,

Да каовы же будете.

Как модификация символа леса-препятствия, в текстах отмечается также образ высокого леса:

Веселее бы пропела, да лесок очень высок,

Не доносит до милого мой весёлый голосок.

Лес это и край света – солнышко садится за лес и встает из-за леса. Здесь лес синоним горизонта. Уносят всегда за темные леса, далекие страны – за лесами:

Закатилось солнце за лес, перестало меня греть.

Удалился мой залётка, перестал меня жалеть.

Герой или героиня частушки попадает в лес не по доброй воле, а по принуждению или по необходимости:

Проведенный поэтический анализ показал, что в частушках преобладают символические ситуации.

Одним из способов актуализации символического значения леса в частушках является метафора. В ней происходит внутреннее сопоставление

субъекта и объекта. Метафора выражает сходство между семантической оболочкой и подлинным семантическим содержанием. Однако в начале всякой метафорической деятельности предполагается наличие «стандартного» употребления в частушке символического значения, из которого затем выводятся разнообразные метафорические сопоставления. Метафора играет разнообразную роль, но главная ее задача - изображение душевных переживаний, и в первую очередь - всех перипетий любви. Частушечная метафора принцип иносказания зачастую заменяет принципом конкретизации: многие классические метафоры начинают раскрываться в тексте:

Расстается лес с рекой только на полгода.

А мы, миленький, с тобой на четыре годика.

Лес и река являются олицетворениями героя и героини (в частушке говорится скорее всего об уходе милого в армию осенью, когда река также «исчезает». Покрывается льдом). Противительный союз «а» не только противопоставляет две части частушки, но и обретает дополнительное значение сравнения двух ситуаций. Так как народные лирические песни, если можно так выразиться, в своем подавляющем большинстве двухгеройны (в них говорится о взаимоотношениях двух героев: девушки и молодца, жены и мужа и т. д.), то вполне естественно, что поэтические символы в них чаще всего употребляются попарно: в данном примере лес – Он, река – Она.

Лес – место уединения. В христианской традиции сочетается понимание леса как зловещей «чашобы-прибежища зверей и драконов» с мотивами «лесного безмолвия» — благодатной среды для аскетического сосредоточения (именно лес нередко трактуется как «пустынь» в таких библейских сюжетах, как «Иоанн Креститель в безмолвии», «Покаяние Марии Магдалины» и др.):

Пойду в лес, под елку сяду, стану слушать соловья.

Соловей поет к разлуке, наревуь девчонка я.

Лес выступает как место обретения героиней нового знания и одновременно как место избывания страдания.

Лес может также выступать магическим локусом, где героиня получает особый волшебный дар:

*Говорила голосу: «Раздайся, голос, по лесу,
Чтобы милого красивого ударило в тоску».*

Здесь лес – не только проводник (что связано с эхом), но и средство передачи мыслей девушки, ее чувств.

Близость человека к природе резко выражается в песенных отношениях к лесу. К лесу обращаются, как к существу, способному принимать участие в человеческих ощущениях. Молодец находится в раздумье: жениться ли ему или остаться холостым; он обращается к роще за советом. Скорбное чувство ищет у рощи участия к своему горю. Формула «Уход в лес» открывает многие песни, в фольклоре Прикамья, имеет особые смысловые расшифровки; лес, выступает здесь, как преграда, известно, что представления о лесе связаны с иномирностью и удаленностью. Широко распространен обычай оставлять в лесу ритуальные предметы, таким образом, избавляясь от них. Относится к песням, со значением разлуки, глубокого отчаяния. Девушка уходит в лес, таким образом, избавляется от своих страданий:

*Пойду в лес, зайду в малину, дай-ка, травонька, ответ.
Почему от сероглазого давно известий нет.*

Лес, лесные растения «знают» о судьбе героя, которая беспокоит девушку, собирающую лесную малину. Лес—проводник чувств и мыслей человека. Близость человека и леса выражается именно в песенных отношениях. Формула «разговор с лесом» тому не исключение. Героиня обращается к лесу, как к живому существу, которое способно принять участие в человеческих отношениях. Героиня песни вопрошает к лесу, лесным растениям, которые «знают» о судьбе её возлюбленного.

В песне «*Пермский ватяк жениться хотел*» уход в лес осуществляется с целью получения некоего блага. Молодой человек уходит, желая «*липка собирать*», но возвращается ни с чем. Повсеместно у славян известен запрет трогать почитаемые липы, наносить им ущерб, рубить их, ломать ветки, справлять под ними естественную нужду и т.п. Сербам известно предание о человеке, сорвавшем ветку липы: у него тут же пал конь, но, когда человек вернул ветку на место, конь выздоровел. Липа связана с демонологическими представлениями, так же липа имеет сакральный статус, её связь с комплексом положительных значений определили её использование в качестве универсального апотропея. В данном случае, лес является хранителем этого священного дерева, вершит рок над невежественным ватяком, наказывая его за незнание:

Пермский ватяк жениться хотел.
Шулында-булында, тухлай-тулай
Синтебри талика татаринка хай
Жениться хотел, а деньги калым нет
И пошёл ватяк в лес—липка собирать
Липка собирал, на базар тащил.
Скоро домой гнал, деньги потерял.
Тяцьки-то ругал, а мамка-то бранил,
Петелька девал—давиться хотел.

Лес всегда неизведанное. Чаще всего, лес выступает символом преграды или препятствия. Молодой человек, находящийся в тюрьме не сможет найти возможность сказать своей семье важные слова, так как *тёмный лес* в данном случае – это непреодолимая преграда, испытание.

Ты воспой, воспой, жавороночек,
Ты воспой, воспой на проталинке,
Ты подай голосок через темный лес,
Через темный лес, через бор сырой,
В Москву каменну, в крепость крепкую.

Формулы **нахождения** «за лесом – лесом», **прохождения** «через лес», «**подле леса**», лес противопоставлен дому/двору/саду в рамках оппозиции свой - чужой. Лес как природная среда противопоставляется культурному пространству. Такие формулы мы можем встретить в военных лирических и игровых хороводных песнях Нытвенского района.

В песне «Две Катюши» лес противопоставляется дому. В данных конструкциях, **густой лес** чаще всего выступает символом преграды или препятствия для лирической героини. Лес – место, которое выступает полосой препятствий для достижения цели.

*Расцветали яблони и груши, по тропинкам, **через лес густой**
Выходила храбрая Катюша с автоматом на берег крутой.*

Формула «**Шум леса**» является зачином печальной песни (т.е. находится в сильной позиции). В народном сознании *шум леса* соотносится с негативными состояниями. В песне «*За рекой шумел далёкий лес...*» шум леса звучит, как музыка перед бурей. Согласно мифологии, природа знает судьбы людей, способна их предсказывать. Молодой человек, уходя на войну «**горячо**», словно в последний раз целует свою любимую девушку, будто зная, что назад он уже не вернётся. Формула **далёкий лес**, говорит о том, что географическое расстояние является ещё одной причиной невозвращения молодого человека домой, а **шум** является предзнаменованием:

*За рекой шумел далекий лес,
Рожь качалась, колос созревал,
Молодой буденовский боец
У межи девчонку целовал.*

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

Исследование фольклорных и диалектных текстов, содержащих слово-концепт «лес», позволило выявить ряд ассоциаций, не закреплённых в словарях и художественной литературе. В частушках чаще всего

упоминается условный, «сверхреальный», мифический лес. Универсальным средством выражения скрытых смыслов слова «лес» является параллелизм. Разнообразие поэтических образов, изобразительных средств языка: символы и олицетворения, меткие метафоры и эпитеты, образные и синтаксические параллелизмы и сравнения в частушке, помогают точно передать богатство душевных переживаний человека.

ГЛАВА 3

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА «ЛЕС» В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

Данная глава посвящена анализу способов актуализации концепта «лес» в русской художественной речи. Осмысляется реализация словарных значений лексемы «лес» в поэтических текстах XVIII-XX вв. Анализ семантики языковых единиц с учетом различных трактовок позволит отграничить закрепленные в словарях значения и даст нам возможность насыщать, расширять семантические пласты за счет вариативности интерпретаций. В главе представлены способы репрезентации концепта «лес» в русской поэзии, уточняются спорные моменты в вопросах интерпретации прецедентных феноменов. Кроме того, в третьей главе даётся расширенный анализ устойчивых формул. Представлен методический параграф.

3.1. Анализ способов выражения концепта «лес» в русской художественной речи

Если мы рассмотрим все образы национальной поэзии, относящиеся к какому-нибудь одному мотиву (например, березы или леса), то обнаружим своего рода звездную систему, имеющую уплотнения — совпадения или сходства многих индивидуальных образов — и разреженные слои, в которых один образ отстоит от другого на значительном расстоянии.

Так, несколько наиболее устойчивых образов, повторяющихся у многих поэтов, сложилось вокруг мотива березы: «береза-плач», «береза-женщина», «береза-Россия». Образы, которые, многократно варьируясь, приобретают общенациональную распространенность и характерность,

принято называть топосами (с др.-гр. — «место»). Топос — это «общее место» целого ряда индивидуальных поэтических образов, их смысловое и структурное ядро.

Следовательно, целостный национальный образ природы можно раскрыть и в поэзии нового времени, только для этого придется сопоставлять множество индивидуальных образов, искать между ними объединительные связи. Одним из ярчайших для рассмотрения образов в русской поэзии является образ леса.

Пейзажные мотивы (лес) особенно благоприятны для нашего исследования, ибо в них единство национального поэтического сознания, даже разбившегося на множество индивидуальных стилей, сохраняется в наибольшей мере. Как ни меняется с ходом времени социальный уклад жизни, природа в своих основных чертах остается неизменной, она — то общее, что есть у нас с М. Ломоносовым, А. Пушкиным, А. Блоком. Если она и изменилась, то гораздо меньше, чем история, политика, техника, цивилизация. Вот почему пейзажные мотивы, помимо их собственной эстетической значимости для национальной поэзии, имеют еще и более общий интерес — как свидетельства ее образного единства, как хранители ее фольклорно-мифологического духа.

Важно учесть и другое. Как ни парадоксально это на первый взгляд, но анализ пейзажных мотивов помогает понять не только национальное своеобразие русской поэзии, но и ее историческое движение — именно потому, что мотивы эти сами стоят как бы вне истории. Ведь перемены становятся очевидны только на фоне чего-то неизменного. Образы природы, которая остается равной себе на протяжении столетий, позволяют проследить движение самой художественной образности, не смешивая его с движением изображаемой действительности. Если лесная местность изображаются у М. Цветаевой или Н. Заболоцкого иначе, чем у А. Пушкина или А. Фета, то вовсе не потому, что другими стали деревья — наглядно меняется система поэтического мышления — от эпохи к эпохе, от автора к

автору. Особенность того или иного персонального видения мира легче почувствовать, если предметом этого видения избрать нечто более или менее стабильное, одинаковое для всех поэтов: зиму или лето, растительный или животный мир.

Если верить поэзии, между ней и природой всегда существовало избирательное сродство. Именно в природе поэт находит самый чистый источник своего вдохновения — минуя книги, знаки, мнения, условности. По традиции поэт представляется странником или пустынножителем; столь же первозданный душой, как и природа, он только с ней может найти общий язык. «Бежит он, дикий и суровый, // И звуков, и смятенья полн, // На берега пустынных волн, // В широкошумные дубровы» (А.С. Пушкин). Лермонтовский пророк, встретив у людей непонимание и вражду, уходит в пустыню, где ему покорна тварь земная, где его слушают звезды; как поэту внятен язык природы, так ей — поэтический язык, бессмысленный и досадный для толпы. Николаю Некрасову представляется, что вся природа отзывается на звуки его лиры и он вступает в диалог с лесом, ища ответов на внутренние сомнения:

*И песнь моя громка!.. Ей вторят доли, нивы,
И эхо дальних гор ей шлет свои отзвуки,
И лес откликнулся... Природа внимлет мне...*

Новое звучание лес приобретает у Некрасова, мы видим *стонущий лес* — это уже не просто хвала богатству поэтического языка, как в пору открытия его возможностей, но трезвое постижение его «обреченности» на то, чтобы служить выражением боли и горести родной земли. Заунывность своей поэтической интонации Некрасов объясняет протяжными и тоскливыми звучаниями самой природы:

*Если нам так писалось и пишется,
Значит — есть и причина тому!
Не заказано ветру свободному
Петь тоскливые песни в полях,*

Не заказаны волку голодному

Заунывные стоны в лесах...

Дожди, разливающиеся над родной стороной, стонущие от бурь леса — все это настраивает поэзию на тягучий, рыдающий лад. Встречается новый мотив *стон леса*. В данном случае *лес* представлен, как локация, наделённая физическими свойствами, способная испытывать страдания и муки.

В стихотворении Е.А. Баратынского «Смерть», знание о предстоящей смерти умеряет гнев и похоть в человеческой душе, кладет предел безумной гордыне и своеволию. Таким образом, близостью к природе определяется для Баратынского полноценность человеческого бытия. Трагедия всей истории и цена технического прогресса — постепенное отпадение человека от природы. Формула «гигантский лес» несёт в себе негативную семантику, выступая в качестве колоссальной преграды и тёмной силы:

*Ты укрощаешь восстающий
В безумной силе ураган,
Ты, на брега свои бегущий,
Вспять возвращаешь Океан.
Даешь пределы ты растенью,
Чтоб не покрыл гигантский лес
Земли губительною тенью,
Злак не восстал бы до небес.*

Наука о фольклоре выдвинула теорию, что в основе мифопоэтических представлений многих народов лежит образ мирового древа, организующего своими корнями и ветвями структуру мироздания. И в произведениях русской поэзии дерево часто выступает как система пространственных и духовных координат, соединяющих небо и землю, верх и низ, правое и левое, все стороны света. Вспомним стихотворение А. Фета «Заря прощается с землею...»:

Заря прощается с землею,

*Ложится пар на дне долин,
Смотрю на лес, покрытый мглою,
И на огни его вершин.
Как незаметно потухают
Лучи и гаснут под конец!
С какою негой в них купают
Деревья пышный свой венец!*

Лес покрывается мглою, но верхушки его озарены прощальным светом солнца, и в этом вечернем озарении выступает зримо принадлежность деревьев двум мирам — небесному, где они «купают пышный свой венец», и земному, куда падает отброшенная ими тень.

Эти строки перекликаются с написанным всего на год раньше (1857) стихотворением Ф. Тютчева «Смотри, как роща зеленеет...», где сопоставлены низы и верхи мироздания — «корни» и «вершины», «родник» и «зной», «сумрак» и «полдень», «немота» и «крик»:

*Войдем и сядем над корнями
Дерев, поимых родником,
Там, где обвеянный их мглами,
Он шепчет в сумраке немом.
Над нами бредят их вершины,
В полдневный зной погружены,
И лишь порою крик орлиный
До нас доходит с вышины...*

От родника, бьющего из недр земли, до орла, реющего в небесном просторе, — вот между какими пределами простирается дерево, связуя их своей непрерывно растущей тканью. Солнечный свет, питающий листья, и земные воды, питающие корни — все это соединяется во плоти деревьев, рожденных от брака земли и неба. Отсюда их основополагающая роль в мифопоэтических представлениях. Дерево соединяет глубину и высоту не

только в пространстве, но и во времени, выступая как символ памяти о прошлом и надежды на будущее.

Итак, деревья — пример совершенного союза со своей почвой и безупречной верности своему назначению, это совокупный образ того «дерева жизни», от которого некогда отпал человеческий род. Поэтому столь многочисленны в поэзии призывы — внять благой вести, исходящей от деревьев, принять как истину их укорененность в земле и устремленность в небо — это двойное притяжение, которым распрямляется нравственная природа человека. [Эпштейн, 1990] Поэтическое словоупотребление концептного слова «лес» в поэзии XIX в. отличается мифопоэтической насыщенностью.

3.2. Реализация словарных значений слова «лес» в русских поэтических текстах

В художественных текстах слово «лес» играет конструктивную роль, используется как смысловая доминанта. Обратимся к анализу поэтических смыслов и механизмов актуализации культурных коннотаций лексемы *лес* в поэтических текстах XX века.

А.А. Блок в стихотворении «Россия» с помощью леса представляет свою Родину, обозначая лес обязательным элементом нашей необъятной страны, который с древних времён ассоциируется с ней:

*А ты все та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей.*

В стихотворении «За туманом, за лесами» мотив нахождения *за лесом* Блок использует для указания на отдалённое, недостижимое место встречи со своим обожествленным идеалом:

*За туманом, за лесами
Загорится — пропадет,*

*Еду влажными полями —
Снова издали мелькнет.
Так блудящими огнями
Поздней ночью, за рекой,
Над печальными лугами
Мы встречаемся с Тобой.*

Марина Цветаева в стихотворении «Лес», использует образ леса для выражения идеи неуничтожимости жизни, перечисляя самые могущественные деревья, поэт показывает, как велик и *лес* и какой мощью он обладает:

*Видал, как рубят? Руб —
Рубом! — за дубом — дуб.
Только убит — воскрес!
Не погибает — лес.
Так же, как мертвый лес
Зелен — минуто чрез! —
(Мох — что зеленый мех!)
Не погибает — чех.*

В стихотворении «Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...» М. Цветаевой мы вновь наблюдаем использование архаичных смыслов слова-концепта - «лес — моя колыбель, и могила — лес».

Н. Заболоцкий в стихотворении «Весна в лесу» *древние/таинственные леса* соотносит с чудом, описывая лесных обитателей как сказочных персонажей. Одновременно поэт, для которого характерен интерес к связи между природными объектами и научно-техническими достижениями, представляет лес в виде научной лаборатории:

*Он штудирует внимательно
По тетрадке свой урок
И больших червей питательных
Собирает детям впрок.*

*А в глуши лесов таинственных,
Нелюдимый, как дикарь,
Песню прадедов воинственных
Начинает петь глухарь.*

Н.Заболоцкий творил в эпоху, когда искусство осмысляло проблему преобразования природы, и в отличие от многих, развивая идеи академика Вернадского, он считал, что природа является самосозидающей, сама способна пересоздавать себя.

С. Островой в стихотворении «Разные деревья» с помощью образа леса подчеркивает подобие множества деревьев человеческому сообществу. Деревья выступают здесь как носители разных черт человеческих характеров, например, одни деревья находятся в тени, а другие любят быть на виду.

*Я в лес вхожу, как в пёструю толпу.
Не смейте говорить мне, что деревья
Друг друга повторяют. Это ложь.
Вы только к ним позорче присмотритесь.
Деревья тоже разные. Как люди.*

Одновременно он использует представление о лесе как воплощении идеи неумирания природы вообще: *Деревья гибнут — лес не умирает*. В стихотворении «Мой лес» С. Островой, как в многие поэты, обращается к идее фантастичности, иррациональной сказочности леса, называя свои впечатления от него «*мои цветные лесные сказки*».

Более сложная метафоричность отличает тексты современной поэзии. В них лексема *лес* также достаточно частотна и используется зачастую как знак чужого, недоступного пространства.

В современных поэтических текстах достаточно частотен мотив *ухода лирического героя в лес*. В стихотворении Генриха Сапгира «Март в лесу» мы видим недоступность леса, невозможность войти в него:

Там сейчас весна очевидно

синеет лес дорога — развезло
 очевидно в *лес* не войти
 там сейчас развезло — *лес*
 дорога в *зябкий лес* синеет...
 да очевидно там сейчас —
 весна: дорога — не дорога
 и *зябкий лес* — еще не *лес*
 в *синий лес* не войти — развезло
 синеет — не войти
 дорога — развезло
 и *зябка* — развезло там очевидно
 дорога *лес* сейчас — и не войти.

Образ *леса* здесь связан с внутренним состоянием опустошённости и отчаяния. Лес представлен как пространство, в котором герой не понимает, как вести себя, как воспринимать это не постигнутое человеком пространство. Понять состояние героя помогают используемые в тексте повторы - *Лес то зябкий, то синий, то снова зябкий*. Определением *синий* автор подчеркивает, что лес – это локус, диаметрально противоположный обыденной среде человека. Синий цвет, известный своей мистичностью, цвет неба и божественной силы, указывает на то, что лес здесь не столько природа, сколько недостижимый для человека мир. На это указывает повтор слова *развезти*, которым автор одновременно обозначает «сделать непригодным для продвижения и привести в состояние слабости, изнеможения». [Ефремова, 2005] В стихотворении Сапгира образ недоступного леса связан с внутренним состоянием опустошённости и отчаяния героя.

Сочетание-формула *синий лес* в сходном значении встречается и у других авторов. Так, в одном из текстов Александра Дольского «Велосипед» так обозначается место, куда стремится герой:

*Ах, как хочется в **синий** лес,
Ах, как хочется в **черный бор**,
Но мой транспорт сломался весь -
Я сижу и листаю альбом...*

Формула **чёрный бор** реализует в данном случае непосредственно своё словарное значение – хвойный лес. [Ефремова, 2005] Тем самым отображает всю таинственность и многогранность этого сказочного места.

В стихотворении Владимира Высоцкого «Он вчера не вернулся из боя» использован близкий образ «голубого леса»:

*Наши мертвые нас не оставят в беде,
Наши павшие - как часовые.
Отражается небо **в лесу**, как в воде,
И деревья стоят голубые.*

Голубой лес отражается в воде, показывая читателю быстротечность жизни, при этом связь поколений остаётся крепкой и непоколебимой. Этот образ и строчку цитирует Андрей Еременко в стихотворении-посвящении Высоцкому, где он использует целый ряд цитат (*Я заметил, что нас было двое; Я еще постою на краю*). Смысл стихотворения Андрей Еременко – также об обесмысливании современной жизни: «Можно бант завязать — на звезде. И стихи напечатать любые». Цитата из стихотворения Владимира Высоцкого о голубых деревьях завершает текст и выражает не просто сходство неба и леса, но показывает несовпадение жизни и искусства, мечты и реальности.

В современных текстах встречаются и другие способы «идеализации» леса. Лес священен – отсюда белый цвет леса, зеленый, голубой, в данном случае – синий. Часто лес предстает как недоступное пространство, как пространство, не отличающееся от городского, и также часто подчеркивает дезориентированность, потерянность современного человека.

Примечательно, что в исследуемом тексте используется еще один мотив - *дорога в лес*, который также встречается не только у Сапгира в, но и

у других современных авторов. Так, в стихотворении «Здесь» Геннадия Айги с помощью этого образа передается осмысление сущности проходящей жизни:

*словно чащи в лесу облюбована нами
суть тайников
берегущих людей
и жизнь уходила в себя как дорога в леса
и стало казаться ее иероглифом
мне слово «здесь»
и оно означает и землю, и небо...*

Дорога в лес отождествляет встречу героя с судьбой, предвещая столкновение с трудностями и вновь неизвестным донныне пространством.

Подобный мотив, связанный с той же потерянностью человека, особенно наглядно прослеживается в стихотворении Анны Савиновой:

*По листьям - как по трупам, моветон
бреду одна сквозь лес,
не замечая,
что медленно на горло наступаю
плеяде обесцененных имён.*

В тексте встречается еще одна поэтическая формула *идти сквозь лес*. Данная формула ярко характеризует вышеупомянутое состояние лирической героини, показывая, насколько она отрешена от внешнего мира. Пройти сквозь чужое пространство для неё не составляет особого труда.

В тексте Андрея Ерёменко «В густых металлургических лесах»:

*В густых металлургических лесах,
где шел процесс создания хлорофилла,
сорвался лист. Уж осень наступила
в густых металлургических лесах.*

Мы видим индустриальный пейзаж, трубы сравниваются с деревьями. Природа и завод превращаются друг в друга через лесообразные постройки,

которые растут по собственным непостижимым законам – техника имеет свою органику: и вместе они составляют одну реальность, в которой узнаваемо и жутко переплетаются металлургические и древесные черты. Метафора «*густой лес*» четко делит мир на сравниваемое и сравнивающее, на отображаемую действительность и прием отображения. Осенний лес похож на строительные леса вокруг церкви. Хвойные деревья передают иное настроение и смысл, чем лиственные: не радость и грусть, не различные эмоциональные порывы, но скорее таинственное молчание, оцепенение, погружённость в себя. Сосны и ели представляют часть угрюмого, сурового пейзажа, вокруг них царят глушь, сумрак, тишина:

Процесс написанья стихов

сродни голубому процессу:

созвездию, выдоху, лесу,

но выхода нет из лесов.

Задвинут тяжелый засов.

Сдвигая массивные грозы,

как льдины, всплывают вопросы

над белым объемом лесов.

Не сдвинутся чаши весов.

Безвыходность биоценоза.

И ноет, как будто заноза,

в конце посещения лесов.

В стихотворении Андрея Еременко можно увидеть сравнение *белых лесов*, подобных листам бумаги и *голубого процесса* (вдохновения). Здесь лес, так же чужое, непостижимое пространство. Интересно сравнение леса с созвездием – Один из 88 участков, на которые разделено звёздное небо для удобства ориентировки и обозначения звёзд; отдельная группа звёзд [Ожегов, 1981], выходом – способ решить трудность, выйти из затруднения. То есть *лес* предстаёт как система, которая даже при желании человека

постичь её, не будет подвластно ему. Сравнивая лес с выходом, поэт тут же упоминает: «но выхода нет из лесов».

У Марины Эпштейн «*Люблю волшебный лес*» встречаем новую формулу *волшебный лес зелёный*:

Люблю волшебный лес зелёный,

Зимою-параллельный след,

Капли слёзы, листья клёна,

Летящие кругами вслед

За ветром, ловким ловеласом.

Умеет он любовь крутить.

Ранее, в поэтических текстах мы видели только *зелёный лес*. Формула передавала тяжёлое, тоскливое состояние человеческой души, при нахождении в лесу. В нашем случае, героине нравится находиться в этом пространстве, она называет его волшебным, наделяя его магическими свойствами. В словаре синонимов слово *волшебный* – колдовской, чарующий, чародейный, чародейственный, неестественный, отличный, чудный; ни с чем несравнимый, фантастический, магический, непревзойденный, роскошный, превосходный, фантазмагорический, божественный. [Ожегов, 1981] В нашем случае лес наделён человеческими свойствами, он умеет курить, обманывать, ходить, что тоже редко встречается в фольклорных и поэтических текстах.

С помощью образного переосмысления леса моделируются человеческие отношения дружбы, родства, любви. Слово-концепт *лес* используется поэтами как символ Родины, опустошённости, одиночества, места, куда приходишь отдохнуть и т.д. У каждого *лес* свой. Различные обращения к *лесу* используются поэтами для обозначения значимости данного локуса для народа.

Современные поэтические тексты представляют *лес* как неопознанное пространство. В результате анализа были выявлены устойчивые поэтические формулы с лексемой «лес», встречающиеся у ряда авторов: *дорога в лес*,

синий лес, зелёный лес, идти сквозь лес и др. Поэтические формулы, основанные на образе леса, помогают увидеть неоднозначное отношение современного человека к лесу.

Изменения в использовании символа-концепта *лес* от нач. XIX в. к нач. XXI в. налицо. Если в начале XIX века мы наблюдали исключительно архаичные мотивы в использовании поэтических формул с лексемой «лес», то к концу XIX в. – нач. XXI в. появились принципиально новые формулы, такие как: *густые металлургические леса, волшебный лес зелёный, зябкий лес* и др. Что даёт нам основание утверждать, что концепт *лес* и по сей день открывает для носителей языка всё новые и новые смыслы.

3.3. Изучение поэтической семантики в школьной практике

Данный параграф нашей работы посвящён вопросу использования анализируемого материала в школьной практике. Исследуемый нами материал способен наглядно продемонстрировать семантические возможности языка. Мы предлагаем использовать его в рамках элективного курса по русскому языку в средней школе, посвящённому лексике и фразеологии, в разделе, который изучает использование многозначных слов в художественных произведениях.

Слова русского языка могут иметь одно или несколько лексических значений. Многозначными являются те слова, которые имеют более одного значения. Слово обретает точный смысл только в контексте, который влияет на семантическую реализацию единицы. Речевой контекст создаёт различные возможности семантики слова. В тексте все так крепко связано, что отдельное слово вынуть нельзя, иначе отрезок текста потеряет смысл.

Учащимся средней школы важно научиться соотносить определённое значение со словом, выступающим в контексте. Именно поэтому важно предложить им рассмотрение лексем для изучения многозначности, которое не вызовет затруднений.

Лексические единицы, репрезентующие концепт «лес» в фольклорных и поэтических текстах в большинстве своём многозначны. Так частотная для всех русских текстов формула *тёмный лес* является многозначной (БАС даёт 5 значений). В текстах, анализируемых нами, эта лексема реализует себя не во всех словарных значениях:

Золотила осень лес -

Ювелирная работа.

А он взял и вдруг облез -

Вся исчезла позолота.

[Семён Островский, 2006]

Лексема *лес* в данном случае реализует словарное значение «большая площадь земли, заросшая деревьями». Таким образом, мы увидели, что поэтические тексты – благодатная почва для изучения многозначных слов в поэтических текстах.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

Анализ поэтического словоупотребления концепта «лес» позволил установить, что в поэтических текстах активно используются архаические, мифологические смыслы этого понятия. Анализ культурных смыслов символа, слова-концепта «лес» показал, что на протяжении длительного времени, от XIX в. до наших дней сохраняется мифопоэтическое восприятие леса, которое выражается в том, что лес персонифицируется, представляется в виде живого существа. Анализ поэтических формул показывает, что в русской лингвокультуре лес скорее тяжел, связан с опасностью, в противовес дому выступает как проявление хаоса и беспорядочности. Одновременно лес выступает и как культурный знак чудесного, прекрасного – это показывает его амбивалентность как символа. С течением времени формульный состав претерпевал изменения, если вначале XIX века концепт «лес» имел более архаичный характер и дублировал мифологические представления, то к

концу XX века и по наши дни с каждым днём появляются всё новые и новые мотивы, связанные с лесом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование использования лексемы лес в фольклоре и поэтических текстах позволило раскрыть особенности культурной семантики слова-концепта, которая является важным, не всегда фиксируемым словарями значением слова. Мы выявили, что словарных значений лексемы недостаточно для точного толкования слова в контексте.

Нами были обозначены основные культурные ассоциации, связанные с лексической семантикой имени концепта. Они раскрывают семантические потенции интересующей нас лексемы «лес». Анализ способов использования лексической единицы в составе поэтической или фольклорной формулы представляется нам одним из способов выявления идеи, заложенной в тексте.

Целью нашей работы было выявление и описание устойчивых формул с использованием лексемы «лес» в текстах прикамского фольклора и русской поэзии, описание их значения для семантики текстов, в которых они использованы. Была выявлена лексическая значимость семантики данного слова в контексте поэтических и фольклорных произведений. В ходе работы было выделено 87 устойчивых формул с лексемой «лес», таких как: *синий лес, тёмный лес, зелёный лес, шум леса, уход в лес* и т.д. Общие формулы, характерные и для поэтических, и для фольклорных текстов приведены выше. Новые формулы, которые находят отражение только в текстах поэзии XIX в. – нач. XXI в.: *густые металлургические леса, зябкий лес, волшебный лес зелёный* и др.

В ходе изучения текстов классической и современной поэзии, фольклорных текстов и диалектной речи Прикамья нами было выделены способы актуализации культурной семантики слова лес (эпитеты, повторы, сравнения, сильная / слабая позиции в тексте и др.). Нам удалось выяснить, что с течением времени отношение человека к лесу менялось, оставалось противоречивым, и всё-таки лес остался той средой, без которой не мыслится

жизнь человека, будь то город, или деревня. Реализация близких культурных значений характерна и для фольклорных, и для авторских поэтических текстов.

В первой главе нами были освещены теоретические вопросы, связанные с интерпретацией явления концепта в современной науке, с его соотношением с языковой личностью и языковым сознанием, а также ролью в формировании авторского идиостиля. В ней также мы обращались к историческому развитию культурной семантики лексемы «лес», исследовали проявление культурной концептной семантики в развитии значений слова «лес». Здесь же осмыслялись различные научные подходы к классификации данного концепта.

Вторая глава была посвящена анализу способов актуализации концепта «лес». Осмысляла реализацию словарных значений лексемы «лес» в поэтических текстах XIX-XXвв. Анализ семантики языковых единиц с учетом различных трактовок позволил отграничить закрепленные в словарях значения и дал нам возможность насыщать, расширять семантические пласты за счет вариативности интерпретаций.

В третьей главе представлены способы репрезентации концепта «лес» в русской поэзии, уточняются спорные моменты в вопросах интерпретации прецедентных феноменов. Кроме того, в третьей главе дается расширенный анализ устойчивых формул и обосновывается включение каждой из них в категории по частотности употребления.

Наша работа может быть полезна лингвофольклористам при более глубоком изучении лексемы *лес*, при изучении специфики фольклорной символической семантики. Материалы исследования могут быть использованы на уроках русского языка и литературы для более глубокого анализа произведений, а также в рамках элективных курсов по русскому языку в средней школе при изучении данного концепта как лингвокультурного явления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Список источников

1. *Бальмонт, К. К.* Собрание сочинений в 2-х т. Т.2. – М.: Можайск-Терра, 1994. – 704 с.
2. *Баратынский, Е.А.* Лирика. – М.: Высшая школа, 1979. – 224 с.
3. *Бенедиктов, В.Г.* Стихотворения / Сост., вступ. ст., примеч. В.И. Сахарова. – М.: Сов. Россия, 1991. – 272 с.
4. *Есенин, С. А.* Полн. собр. соч. - М.: Олма-Пресс, 2002. – 790 с.
5. Золотой сборник русской поэзии XIX в. / С. С. Скляр. – М.: Клуб семейного досуга, 2010. – 279 с.
6. *Лермонтов, М.Ю.* Собрание сочинений в 4 т. Т. 1 Стихотворения /Под общей редакцией И.Л. Андроникова, Д. Д. Благого, Ю.Г. Оксмана. – М.: Художественная литература, 1957. Т. 1. – 423 с.
7. Поэзия серебряного века / Н. Розман. – М.: Эксмо, 2013. – 315 с.
8. *Пушкин, А.С.* Стихотворения 1827-1836 гг. в 10т. – М.: Академия, 1957. Т.3. – 557 с.
9. *Тютчев, Ф.И.* Полное собрание сочинений в стихах и прозе / В. Кожинов. – М.: Вече, 2000. – 496 с.
10. *Фет, А.А.* Стихотворения / А. Тархов. - М.: Правда, 198. – 304 с.

Список научной литературы

1. *Аверинцев, С. С.* Архетип. // Мифы народов мира. – М.: Современная энциклопедия, 1980. – Т. 1. – С. 110 – 111.
2. *Агапкина, Т. А.* Материалы по славянскому язычеству (древнерусские свидетельства о почитании деревьев) // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 224-235.
3. *Алферов, Л.А.* Лес богатство нашей страны. – М.: Знание, 1961. – 268 с.

4. *Арутюнова, Н.Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999 – 341 с.
5. *Аскольдов, С. А.* Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 267 – 279.
6. *Бахтин, М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Наука, 1986. – 444 с.
7. *Бекизова, Л. А.* Средоточие духовного богатства / Л. А. Бекизова // Роль фольклора в формировании духовной жизни народа. – М.:Наука, 1986. – С.3 – 11.
8. *Белый, А.* Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
9. *Богданов, К.А* Фольклорные жанры советской культуры. – М.: НЛО, 2009. – 368 с.
10. *Бутерина, О.В.* - Фреймовая структура концепта ЛЕС, отраженная в текстах филологических словарей русской лингвокультуры / О. В. Бутерина // Молодой учёный. – 2011. – №1. – С. 126-128.
11. *Бутерина, О. В.* Фреймовый анализ репрезентации концепта «лес» в русской художественной литературе / О. В. Бутерина // Аграрный научный журнал. – 2007. – №3. – С. 74-76.
12. *Виноградов, В. В.* О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1971. – 240с.
13. *Валгина, Н. С.* Теория текста / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
14. *Воркачев, С. Г.* Постулаты лингвоконцептологии / С.Г.Воркачев // Антология концептов. Том 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 10 – 13.
15. *Гладких, Ю. Г.* Не-данное и данное в художественном тексте Фрагменты картины мира и идиостиль В. П. Астафьева / Ю. Г. Гладких // АНО ВПО Пермский институт экономики и финансов. – Пермь, 2014. – 216.
16. *Голева, Т.Г.* Дерево – человек: сравнительные параллели в мировоззрении коми-пермяков // От конгресса к конгрессу. – М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. – Т.2. – С. 148-157.

17. *Голева, Т. Г.* «Нежилое» дерево в представлениях и фольклоре коми-пермяков / Т. Г. Голева. – Киров: КГПУ, 2013. – С. 74-78.
18. *Грица, С. И.* Функциональный многоуровневый анализ народного творчества / С. И. Грица // Методы изучения фольклора. – СПб., 1983. – С. 45-49.
19. *Демьянков, В. З.* Термин «концепт» как элемент терминологической культуры / В. З. Демьянков // Язык как материя смысла: Сборник статей в честь академика Н. Ю. Шведовой. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. – С. 606–622.
20. *Ершов, В. П.* Ель (хвойные) в образной характеристике «иноного мира» (на материалах карельского фольклора) / В. П. Ершов // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. – Петрозаводск: Гуманитарные исследования, 2009. – С. 117–135.
21. *Ефремова, Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова // Русский язык – М.: 2000. – 645с.
22. *Законов, В. А.* Лес как благо и символ: автореф. дисс. ... д. филол. наук / В. А. Законов. – Тюмень, 2001. – 43 с.
23. *Зеленин, Д. К.* Тотемический культ деревьев у русских и у белорусов / Д. К. Зеленин. – СПб.: Отделение общественных наук, 1933. – С. 591-629.
24. *Зеленин, Д. К.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. / Д. К. Зеленин. – СПб.: Отделение общественных наук, 1933. – 78 с.
25. *Кагаров, Е. Г.* Мифологический образ дерева, растущего корнями вверх / Е. Г. Кагаров // Доклады АН СССР. – 1928. – № 15. – С. 331-335.
26. *Клементьев, А. А.* Семантика леса в коми-пермяцкой поэзии 1950–1990-х гг. / А. А. Клементьев // Вестник Чувашского университета. – 2009. – № 3. – С. 299–303.
27. *Лихачев, Д. С.* Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 52. № 1. 1993. – С. 3 – 9.
28. *Мальцев, Г. И.* Традиционные формулы русской необрядовой лирики. – М.: Русский фольклор, 1981. – 464 с.

29. *Пименова, М. В.* Концептуальные исследования / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 176 с.
30. *Подюков, И.А.* Язык прикамского фольклора / И. А. Подюков. – Пермь: Перм. гос. Гуманитар.-пед. Ун-т., 2012. – 95с.
31. *Потебня, А.А.* Символ и миф в народной культуре / А. А. Потебня. – М.: Лабиринт, 2000. – 480с.
32. *Потебня, А. А.* Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – М.: Искусство, 1976. – 613 с.
33. *Пропп, В. Я.* Язык былин как средство художественной изобразительности / В. Я. Пропп. – М.: Русская литература, 1954. – 381 с.
34. *Романовская, А.А.* Символ в отношении к лингвистике, семиотике, коммуникации / А. А. Романовская. – М.: Вестник науки, 2008. – 54 с.
35. *Слышкин, Г. Г.* Лингвокультурные концепты прецедентных текстов / Г. Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 141 с.
36. *Стернин, И. А.* Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1985. – 170 с.
37. *Топоров, В. Н.* О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией “мирового дерева”: в 5 т. / В. Н. Топоров. – М.: Тартуский вестник, 1971. Т. 5. – С. 9-62.
38. *Тынянов, Ю. Н.* Проблема стихотворного языка. Статьи / Ю. Н. Тынянов. – М.: Советский писатель, 1965. – 304 с.
39. *Шарапов, В. Э.* Традиционное мировоззрение в обрядах и фольклоре современных коми / В. Э. Шарапов. – Ижевск: Академия знаний. – 2006. – 25 с.
40. *Эпштейн, М.Н.* Природа, мир, тайник вселенной / М. Н. Эпштейн. – М.: Высшая школа, 1990. – 304 с.
41. *Юнг, К. Г.* Психологические типы / К. Г. Юнг. – СПб.: Ювента, 1995. – 716 с.
42. *Якобсон, Р. О.* Избранные труды / Р. О. Якобсон. – М.: Просвещение, 1985. – 413 с.

Список словарей

1. Малый академический словарь в 4т. Т. 2. / под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1985-1988. — С. 159-163.
2. Славянские древности в 5 т. Т. 3. / под ред. Н. И. Толстого. — М.: Международные отношения, 1995. — С. 117-123.
3. Толковый словарь живого великорусского языка в 4т. Т.3. / Под ред. В. И. Даля. — СПб. — М.: Тип. М. О. Вольфа, 1963-1966. — С. 246-423.
4. *Шанский, Н.М.* Учебный фразеологический словарь. — М.: АСТ, 1997. — 450 с.